

ВИТАЛИИ СТАРЫИ

ЗАГРУЗКА...
ПЕРЕНОС СОЗНАНИЯ...

НОВЫЙ ПЕРСОНАЖ:
ПЬЕР БЕЗУХОВ

▶ ИСТОРИЯ

РЕАЛЬНОСТЬ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЗАДАНИЯ
...

ВХОД В НЕ-ИГРУ

— Э П О Х А —
I

Виталий Старый

ВХОД В НЕ-ИГРУ

Серия «ЭПОХА», книга 1

<https://litres.ru/74573173>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даня Ковалёв умеет находить ошибки там, где другие видят только правила. Накануне экзамена по «Войне и миру» он вместе с другом взламывает экспериментальную капсулу полного погружения, рассчитывая попасть в закрытую фэнтезийную бету «Эйрдан». Но вместо игры Даня открывает глаза в 1805 году — в теле Пьера Безухова. У него нет меню, сохранений и кнопки выхода. Есть лишь обрывочная память о романе, чужое тело, привычка баг-хантера и мир, который слишком настойчиво пытается вернуть события на знакомые рельсы. Даня начинает проверять реальность так, как раньше проверял код: ставит эксперименты, ищет повторяемые сбои и постепенно понимает, что некоторые «ошибки» можно использовать. Только каждое вмешательство меняет не строки программы, а человеческие судьбы. Сначала ему нужно просто выжить и найти дорогу домой. Потом одна спасённая жизнь ломает привычный ход истории — и за трещинами эпохи проступает нечто куда большее, чем чужой сюжет. Где-то по ту сторону уже существует другая дверь.

Содержание

БИЛЕТ № 14	4
ГЛАВА 1. ЗАПАХ ЛАДАНА	13
ГЛАВА 2. ЭКЗАМЕН ПО ПАМЯТИ	31
ГЛАВА 3. НАСЛЕДСТВО	45
ГЛАВА 4. МЕНЮ, КОТОРОГО НЕТ	56
ГЛАВА 5. ДЕНЬГИ	69
ГЛАВА 6. ЛЫСЫЕ ГОРЫ	92
ГЛАВА 7. КУЗЕНЫ И КАПКАНЫ	112
ГЛАВА 8. АУСТЕРЛИЦ ИЗДАЛЕКА	125
ГЛАВА 9. РОДЫ	137
ГЛАВА 10. СВАДЬБА, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ	153
ГЛА	168
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Виталий Старый

ВХОД В НЕ-ИГРУ

БИЛЕТ № 14

Экзамен по русской литературе девятнадцатого века начинался в девять утра. В двадцать три сорок Даня Ковалёв сидел по-турецки на продавленной кровати в комнате номер 417, держал на коленях планшет и с выражением человека, разбирающего чужую минную систему, читал билет.

— Четырнадцатый, — сказал он вслух. — «Путь духовных исканий Пьера Безухова. Роль масонства и плена в формировании героя».

— И? — спросил Гоша с кровати Даниного соседа, не поднимая головы от телефона.

— И я не читал.

— Совсем?

— Читал. В смысле, слушал. Первые два тома на двойной скорости, потом уснул. Потом видео на ютубе. Потом пересказ. Потом разбор с таймкодами. — Даня почесал затылок. — Я знаю, что он толстый, добрый, богатый и всё время что-то не так делает. Он стрелялся на дуэли. Потом сидел в плену. Потом женился на Наташе, и она превратилась в... как это... в мамашу.

— Ты это на экзамене так и скажешь?

— Я скажу «эволюция образа», — с достоинством ответил Даня. — Меня учили писать «эволюция образа». Это работает на всё.

Гоша хмыкнул. В комнате пахло дошираком, чужими носками и пыльной батареей. За окном, на девятом этаже, гудел ночной город. На столе стояли две кружки с холодным чаем, тарелка с надкусанным сыром и заветная фляжка с настойкой на кедровых орешках, которую Гошина бабушка называла «от давления», а сам Гоша — «от Толстого».

— Слушай, — сказал Гоша, наконец поднимая голову, и по его лицу Даня понял, что сейчас будет плохая идея. — А давай не будем.

— Чего не будем?

— Готовиться. Я тут кое-что привёз.

— Из лаборатории брата?

— Ага.

— Гош.

— Ну что «Гош»? Он всё равно улетел на конференцию до пятницы. Оно стоит в подсобке, никто не смотрит. Я взял на одну ночь.

— Что взял?

Гоша встал, подошёл к двери, открыл её и втащил в комнату тележку, на которой под серым брезентом громоздилось что-то длинное и гладкое.

— Только тихо, — сказал он. — Вахтёрша ползает.

Брезент упал.

Даня, надо отдать ему должное, замолчал на целых три секунды. Потому что это была капсула. Настоящая, серебристо-серая, с матовой крышкой и толстым жгутом кабелей, уходящим в чёрный блок под днищем. Не игровое кресло, не шлем, не «умные очки». Прототип полного погружения, о котором все писали и никто не видел живьём.

— Ты охренел, — прошептал Даня.

— Догадываюсь.

— Это же... Это же...

— Dev-kit, — сказал Гоша. — Брат говорит, прошивка сырая, но игры ставит. Там на ней закрытая бета «Эйрдана».

У Дани перехватило дыхание. «Эйрдан» был мечтой каждого, кто когда-нибудь искал баг в чужой игре. Закрытая фэнтези-вселенная с настоящей физикой магии, живыми фракциями и, по слухам, двумя тысячами переплетённых систем, которые никто не мог до конца проверить, потому что доступ давали только тем, кого выбирали сами разработчики.

— И у тебя есть ключ? — тихо спросил он.

— Нет, — сказал Гоша. — Но у тебя есть руки.

Даня посмотрел на капсулу. Потом на планшет с билетом номер четырнадцать. Потом снова на капсулу.

— Экзамен в девять, — сказал он, чувствуя, как совесть медленно собирает вещи и уходит.

— А сейчас двадцать три пятьдесят, — заметил Гоша и

налил настойки в обе кружки. — Мы успеем.



Взломщиком Даня был хорошим. Не гениальным, но упрямым, а упрямство в его деле стоило дороже гениальности. С двенадцати лет он не играл в игры «как задумано». Ему было скучно проходить квест по сюжету. Ему нравилось находить место, где текстура не дотянута до стены, и заходить туда, где заходить нельзя. Он вытаскивал предметы из закрытых зон, обходил лицензионные замки, устраивал в чужих мирах маленькие тихие революции и потом сидел на форумах под ником «Ковыль», скромно получая уважение людей, которых никогда не видел.

Региональный замок капсулы оказался вежливо-хамским: он не сопротивлялся, а сообщал, что «данное устройство не предназначено для конечных пользователей», и просто не открывал ничего дальше. Даня полез в отладочный порт, нашёл тестовый профиль, обошёл проверку, зацепил загрузчик за край... Через сорок минут на экране появилось зелёное окно.

ЭЙРДАН. ЗАКРЫТАЯ БЕТА. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ИГРОК.

— Бля, — сказал Гоша.

— Я знаю, — счастливо сказал Даня.

— Ты вообще псих.

— Я знаю.

Они чокнулись кружками. Настойка пахла хвоей и обидой на жизнь. Даня выпил, поморщился, вспомнил, что до экзамена осталось девять часов, и решил, что раз уж он всё равно не выспится, то хотя бы проведёт эту ночь достойно.

— Чур я первый, — сказал он.

— Первый и последний, — согласился Гоша. — Потому что мне нужно будет тебя вытащить. Я сижу у пульта.

— Логично.

— Только слушай, — Гоша вдруг стал серьёзнее, — в прошивке какие-то странные флаги. Брат писал, что нельзя запускать без «заземления». Что это значит, не знаю. Так что давай осторожно. Не тыкай во всё подряд.

— Гош, — сказал Даня, с трудом поднимаясь и укладываясь в капсулу, — я взломщик. Я тыкаю во всё подряд.

Гоша вздохнул.

Крышка мягко опустилась. Внутри пахло новым пластиком и слегка озоном. Даня почувствовал, как под затылком что-то тёплое шевельнулось и приняло форму его головы. Над ним засветился полупрозрачный экран.

СОЗДАНИЕ ПЕРСОНАЖА. ВЫБЕРИТЕ КЛАСС.

— Хочу баги, — сказал Даня. — Есть класс «баги»?

КЛАССА «БАГИ» НЕ НАЙДЕНО.

— Тогда «вор».

ВЫБЕРИТЕ РАСУ.

— Человек.

ВЫБЕРИТЕ СТАРТОВУЮ ЛОКАЦИЮ.

Экран мигнул. На мгновение Даня ощутил лёгкую тошноту, будто лифт дёрнулся на полпути. Потом появилась новая строка.

**СИНХРОНИЗИРОВАТЬ ТЕКУЩИЙ КОНТЕКСТ
ДЛЯ ОПТИМАЛЬНОЙ НАСТРОЙКИ СТАРТА? [ДА] /
[НЕТ]**

— Гош, что это?

Голос Гоши донёсся снаружи, глуховатый, будто через вату.

— Не знаю. Наверное, подгоняет старт под твоё настроение. Жми «да», оно, наверно, читает интересы.

Даня пожал плечами и нажал.

Ему казалось, что всё в порядке. Ему казалось так ровно две секунды.

Потом экран стал белым.

**КОНТЕКСТ ЗАГРУЖЕН: ЛИТ-РУС-ХІХ.ЗАПРО-
ШЕН МИР: ЭЙРДАН-01.ОБНАРУЖЕН КОНФЛИКТ
ИДЕНТИФИКАТОРОВ.**

— Э, — сказал Даня.

РАЗРЕШИТЬ ПРИОРИТЕТ КОНТЕКСТА?

— Гоша?

— Я вижу, — голос Гоши стал странно ровным. — Тут ошибка. Оно не может выбрать между миром и контекстом. Не жми ничего.

— Я и не жму!

— Тут таймер.

ПЕРЕЗАПИСЬ ЧЕРЕЗ 10... 9... 8...

— Гоша, я слышу таймер!

— Я тоже. Бля. Стой. Дай я отменю.

— Давай!

— Сейчас!

...3... 2...

— Не тот ключ! — крикнул Гоша. — Я нажал не...

Что-то громко щёлкнуло. Свет в капсуле стал лиловым. Где-то очень далеко Даня услышал, как Гоша, уже не через вату, а из другого конца вселенной, кричит:

— Даня! Я вхожу за тобой! Ничего не выбирай в диалогах! Слышишь? НИЧЕГО НЕ...

Голос оборвался.

Мир не потемнел, а сложился. Как лист бумаги, который сгибают снова и снова, пока он не станет точкой.

И последнее, о чём успел подумать Даня, было не о Гоше, не о капсуле и даже не о том, что он, кажется, умирает. Последнее, что он подумал, было очень глупым и очень человеческим:

Билет четырнадцатый. Я так и не выучил билет четырнадцатый.



Сначала был запах.

Тяжёлый, сладковатый, церковный. Ладан, воск, старое дерево и что-то ещё, что Даня не мог назвать: запах чужой болезни, который не спутаешь ни с чем.

Потом были звуки. Тихий, монотонный шёпот на нескольких языках сразу. Кто-то читал молитву, кто-то шептал по-французски, кто-то шуршал юбками. Где-то далеко, за стеной, стучали копыта.

Потом появился свет. Много свечей. Их пламя стояло ровно, не дрожало, и вдруг, на долю секунды, дёрнулось, как кадр, который пропустил видеоплеер.

Даня моргнул.

Свечи снова горели как обычно.

Это баг, подумал он раньше, чем подумал что-нибудь ещё. Странно, но мысль принесла облегчение. Это баг, а баги я умею искать.

Потом он открыл глаза.

Над ним нависал потолок с лепниной. Не общажный, с жёлтыми разводами от соседа сверху, а высокий, богатый, в золотых завитках. Он лежал в чём-то мягком, пахнущем лавандой. Пальцы, лежавшие поверх одеяла, были чужими. Слишком большими. Слишком белыми. Пухлыми, как у человека, который никогда не поднимал ничего тяжелее вилки.

Кто-то рядом заговорил по-французски, потом, спохватившись, по-русски:

— Граф, граф, вы слышите меня? Он зовёт вас. Отец... то есть его сиятельство. Он просит вас.

Даня медленно повернул голову.

В комнате стояли люди. Мужчины в мундирах и камзолах, дамы в тяжёлых платьях, священник с бородой. Все смотрели на него. На него, растрёпанного, разморённого, чужого себе.

— Граф Пётр Кириллович, — тихо, но твёрдо сказал седой лакей, склонившись над ним. — Пойдёмте.

Пётр Кириллович, повторил про себя Даня. *Кирилл... Пётр...*

И вдруг слова сложились в строчку, аккуратную, как в конспекте, которую он видел около двух часов назад на экране планшета.

Билет № 14. Пьер Безухов.

Он открыл рот, чтобы закричать. Из горла вырвался чужой голос, глубокий, мягкий, слегка растерянный, и произнёс единственное, что смогло родиться в этой голове:

— ...Бля.

Священник перекрестился.



ГЛАВА 1. ЗАПАХ ЛАДАНА

Священник перекрестился второй раз.

Людей, окружавших кровать в первые секунды после пробуждения, уже почти не осталось: кто-то ушёл в соседнюю комнату, кто-то отступил к двери. Рядом задержались священник и седой лакей.

Даня посмотрел на них, потом на собственную руку поверх одеяла.

Рука была большой. Не просто крупнее его прежней — какая-то основательная, мягкая, белая. На мизинце темнело кольцо. Ногти аккуратно подрезаны. Ни обкусанного края на большом пальце, ни тонкого шрама у костяшки, который он получил в двенадцать лет, когда полез чинить отцовский компьютер отвёрткой не того размера.

Он пошевелил указательным пальцем; тот послушался. Попробовал средним — тоже.

Так. Тело отвечает. Зрение есть. Звук есть. Боль?

Он ущипнул себя за запястье.

— Ваше сиятельство, — сказал седой лакей.

Даня поднял глаза.

Лакей стоял у кровати с кувшином в одной руке и полотенцем в другой. Пожилой, сухой, в тёмном кафтане. Лицо у него было такое, будто человек уже минут десять наблюдал за странностями хозяина и пока решил считать их времен-

ными.

— Воды, барин?

— Да.

Голос опять оказался чужим. Низким, мягким и слишком спокойным для человека, который четыре минуты назад сидел в капсуле в общежитии.

Лакей налил воды в стакан и подал ему. Даня взял. Пальцы сами легли так, чтобы стекло не выскользнуло. Он сделал глоток.

Вода была тёплая. Даня поморщился, допил и поставил стакан на столик возле кровати. Если это всё-таки интерфейс, он должен был хоть как-то отзываться.

Меню. Системная строка. Иконка. Хоть чёртов крестик в углу зрения.

Даня повёл глазами вправо — ничего. Влево — то же самое. Тогда зажмурился и мысленно произнёс: *меню*.

Когда он открыл глаза, священник смотрел прямо на него.

— Что, сын мой?

— Ничего.

— Вы сказали «меню».

Даня уставился на бороду священника.

— Я... ошибся.

— Оно, конечно, — тихо произнёс лакей и взял пустой стакан.

Даня обернулся, но тот уже отошёл к столику и складывал полотенце, точно совмещая края.

Голосом ничего не получилось. Даня попробовал жест и провёл двумя пальцами по воздуху перед собой.

Священник перекрестился в третий раз.

— Всё хорошо, — сказал Даня, и по лицу священника сразу понял, что зря.

У стены горело семь свечей. Он машинально пересчитал их дважды. Пламя стояло почти неподвижно, хотя от двери тянуло воздухом. Одна свеча коптила сильнее остальных.

Даня задержал на ней взгляд.

Огонёк дёрнулся.

Не качнулся. Не вытянулся от сквозняка. Между двумя положениями просто не было движения. Вот он стоял левее — и сразу оказался правее.

Даня подался вперёд, но пламя уже горело ровно.

Баг.

Мысль пришла спокойно, почти профессионально. От неё даже стало легче.

Если есть баг, значит есть правила. Если есть правила, их можно понять. Если можно понять — где-нибудь должна быть дырка.

Он посмотрел на остальные свечи.

Ничего.

— Пётр Кириллович, — сказал священник. — Вам следует идти.

Имя ударило ещё раз: Пётр Кириллович. Пьер. Билет четырнадцатый.

Даня сел.

Одеяло съехало на колени. На нём была длинная белая рубаха. Ноги казались чужими даже по весу. Он поставил ступни на пол и чуть не промахнулся: кровать оказалась выше, чем тело ожидало.

Лакей уже был рядом. Подхватил за локоть, но не тянул.

— Осторожно, барин.

— Как тебя зовут?

Лакей впервые перестал что-то делать.

— Игнат.

— Игнат.

— Да, барин.

Даня встал. Пол приблизился неожиданно быстро. Тело было выше его прежнего и шире, центр тяжести находился где-то не там, где должен. Он качнулся, Игнат подставил плечо.

— Давно я... — Даня остановился. — Давно я здесь лежу?

— С вечера.

— А до этого?

Игнат посмотрел на него чуть внимательнее.

— Из Петербурга приехали. К батюшке.

Петербург означал, что у этого тела уже была дорога сюда, знакомые и объяснимое прошлое. А за ближайшей дверью умирал отец Пьера — не строка из конспекта, а человек, к которому его сейчас вели.

Даня провёл ладонью по лицу, задел очки, и комната сразу

расплылась в цветные пятна.

— А.

Он поправил очки. Комната вернулась.

Игнат ждал.

— Камзол надеть надо.

— А. Да. Конечно.

Игнат достал одежду, заранее разложенную на кресле.



Одевание оказалось первой системой, которую Даня проиграл всухую.

Он знал, как устроены штаны. Здесь цивилизации сходились. С рубашкой тоже разобрался. Дальше началось то, что явно проектировал человек, ненавидевший одиночество.

Игнат молча подавал вещи в правильном порядке.

— Рука.

Даня протянул правую.

— Другая.

Он поменял.

— Повернитесь.

Даня повернулся.

— Не так.

— А как?

Игнат подошёл, развернул его за плечи на пол-оборота и застегнул что-то сзади.

— Вот.

— Спасибо.

Игнат только проверил застёжку на плече и продолжил одевать его. Через несколько минут Даня начал подозревать, что молчание этого человека тоже было служебной репликой: им можно сообщить всё от «вы забыли жилет» до «вам надо показать врачу».

Когда последний крючок занял место, Игнат пригладил ладонью плечо камзола и отступил, освобождая дорогу к высокому зеркалу у стены.

— Пойдёмте.

— Куда?

— Сначала сюда.

Даня подошёл к зеркалу.

В стекле стоял незнакомый парень. Молодой — моложе того Пьера, которого Даня почему-то представлял по экранизациям. Большой, мягкий, нескладный. Волосы растрёпаны. Круглые очки сидели чуть криво. Камзол был дорогой и сидел так, будто его сшили на человека, который постоянно забывает выпрямиться.

Даня поднял руку — незнакомец в зеркале повторил движение. Повернул голову, получил тот же ответ. Потом снял очки, и человек в дорогом камзоле исчез, оставив вместо себя большое телесное пятно на фоне золотой рамы. Стоило вернуть очки, как Пьер появился снова.

— Нормально? — спросил Даня.

Игнат подошёл и поправил ему воротник.

— Теперь.

— Я про... ладно.

Игнат уже отошёл к креслу.

Даня придвинулся к зеркалу. Коснулся щеки. Пьер сделал то же. Щетина была настоящая. Кожа тёплая. На переносице остались красные следы от очков.

Выход. Ничего. Logout. Тот же результат.

Он моргнул три раза подряд. Провёл пальцем от виска к подбородку, потом постучал по оправе очков.

— Барин.

— Да?

— Его сиятельство ждут.

— Мой отец.

Игнат поправил сложенный на кресле жилет.

— Батюшка ваш.

Слово легло не туда.

В голове вспыхнуло не воспоминание, а запах: табак, бумага, пыльный солнечный свет. Чужой кабинет. Большая рука на столе. Голос, которого Даня не успел расслышать.

Он схватился за край комода.

Картинка исчезла.

— Что это было?

Игнат поставил рядом щётку, которую держал в руке.

— Что, барин?

— Я... ничего.

Он подождал, но запах не вернулся.

Не моё.

Игнат поднял с кресла платок и протянул ему.

— Лицо вытрите.

Только тогда Даня заметил, что вспотел.



В коридоре его перехватила женщина в траурном платье.

Она шла быстро, но встретив Даню, сразу замедлилась, будто всё это время торопилась исключительно затем, чтобы неторопливо подойти именно к нему.

— Ах, мой друг, наконец, — сказала она и взяла его за локоть обеими руками. — Я боялась, что вам станет хуже. Вы так бледны. Нет, не говорите ничего, я всё понимаю. В такие минуты слова только утомляют.

Даня и не собирался говорить. Это оказалось удобно.

Женщина смотрела на него снизу вверх влажными глазами. Слез не было, но, судя по подготовке, могли появиться в любой момент.

Кто ты?

Лицо было знакомым. Не из жизни — из школьного ощущения, когда фамилия крутится рядом, но не даётся.

Она снова тронула его рукав.

— Бедный молодой человек. Всё это так внезапно. Хотя мы, конечно, должны были быть готовы. Я не хотела вас бес-

покоить, мой друг. Я только... нет, ничего. Сейчас не время.

Она вроде бы ничего не попросила, но Даня почему-то уже чувствовал себя обязанным ей за то, чего ещё не понимал. Он покосился на Игната; тот стоял в двух шагах и смотрел куда-то поверх их голов.

Женщина чуть развернулась, увлекая Даню за собой.

— Пойдёмте. Он ждёт только вас.

— Простите, а вы...

Он запнулся. Женщина остановилась и ждала.

— ...так добры, что пришли, — закончил он.

Женщина моргнула. Потом улыбнулась с мягким достоинством человека, которого всё-таки узнали.

— Анна Михайловна, мой друг. Я ни на минуту не оставила бы вас сейчас одного.

Друбецкая. Имя наконец нашлось.

Даня машинально протянул руку. Анна Михайловна посмотрела на неё, потом он сам — и только тогда заметил, как по-студенчески нелепо она висит между ними. Где-то за спиной Игнат очень тихо кашлянул.

Анна Михайловна первой спасла положение. Она вложила пальцы в его ладонь так, будто именно этого и ожидала.

Даня видел, как мужчины приветствовали дам: рука, наклон, губы. *А. Точно.* Он наклонился слишком поздно и едва не стукнулся очками о её костяшки. Анна Михайловна ничем не показала, что заметила.

— Вы измучены, — сказала она. — Это всё объясняет.

Спасибо. Запишем: официальная версия — я измучен.

Они пошли.

Коридор оказался длиннее, чем должен был быть у нормального дома. Ковёр глушил шаги. Из приоткрытых дверей выглядывали лица и сразу исчезали. Слуги прижимались к стенам. Мужчины кланялись. Дамы делали движения, которые Даня пока называл про себя «маленький присед».

Он начал копировать.

Мужчина наклонял голову — Даня наклонял.

Женщина приседала — Даня тоже чуть сгибал колени, пока Игнат не сказал за спиной:

— Не надо.

Даня выпрямился.

— Что именно?

— Колени.

— Понял.

— Добро.

У дверей дальней комнаты Анна Михайловна остановилась.

— Пётр Кириллович, — сказала она уже без слёз в голосе.

— Что бы ни случилось сейчас, помните: вы его сын.

Даня посмотрел на дверь.

Внутри читали молитву.

Он хотел спросить, что именно должен сделать сын в 1805 году у постели умирающего отца. Стоять? Встать на колени? Поцеловать руку? Сказать что-то правильное?

Анна Михайловна уже открывала дверь. Даня так и не решил, что именно должен сделать сын, когда войдёт внутрь.



В комнате было жарко.

Окно закрыто. Свечей больше, чем нужно. На столике у стены стояли бутылки, таз, сложенные полотенца. Один врач держал пальцы на запястье старика, другой что-то говорил князю Василию у окна. Священник, тот самый или другой — Даня уже не был уверен, — читал молитву.

На кровати лежал граф Кирилл Безухов.

Даня знал эту сцену.

То есть должен был знать.

Где-то в книге она была. Толстой писал про огромного старика, про завещание, про родственников, про борьбу вокруг наследства. Даня помнил общий контур, как карту уровня, пройденного несколько лет назад на чужом компьютере.

Сейчас на карте лежал человек.

Старик был действительно огромный. Даже болезнь не сделала его маленьким. Широкие плечи приподнимали одеяло. Лицо отекло, одна сторона рта почти не двигалась. Глаза были открыты.

Глаза старика сразу остановились на Дане, и тому на миг показалось, что смотрят не на Пьера, а на него самого. От

этого он замер в дверях.

Анна Михайловна мягко подтолкнула его в спину.

— Идите, мой друг.

Даня подошёл.

Так. Сейчас что? Реплика? Предмет? Завещание?

Он ненавидел собственный мозг за то, что тот продолжал раскладывать происходящее по знакомым ячейкам.

Старик дёрнул пальцами.

Врач наклонился.

— Он желает руку сына.

Сына.

Даня сел на стул у кровати и протянул ладонь.

Рука графа накрыла её не сразу. Сначала тяжёлые пальцы промахнулись и легли на край простыни. Потом врач помог. Ладонь оказалась сухой и горячей.

Старик сжал.

Слабо. Но не настолько слабо, чтобы можно было сделать вид, что это ничего не значит.

Даня посмотрел ему в лицо.

Граф пытался сказать что-то. Губы двигались. Воздух выходил со свистом. Один звук, второй. Ничего понятного.

Даня наклонился ближе.

— Я здесь.

Старик снова сжал его пальцы.

На столике лежала серебряная ложка. На краю таза висела мокрая тряпка. У врача на рукаве был коричневый след. Под

кроватью стояли домашние туфли огромного размера, аккуратно поставленные носками к комнате, будто хозяин собирался утром встать и надеть их.

Слово *NPC* всплыло само и тут же стало стыдным.

Пальцы старика соскользнули с Даниной ладони. Он попробовал вернуть их и не смог; на тяжёлом, отёкшем лице вдруг появилась слабая, почти виноватая улыбка — будто собственное бессилие показалось ему нелепым. Даня подал руку снова.

Он остался рядом и больше не следил за временем.

Однажды старик снова попытался заговорить. Даня ничего не разобрал. Анна Михайловна стояла сзади и держала платок у губ, князь Василий был у окна, врачи шептались. Даня больше не ждал ни подсказки, ни следующего шага и сидел рядом, пока граф снова не провалился в беспамятство.



Когда граф задремал или потерял сознание, Даню вывели в соседнюю комнату.

Он дошёл до кресла и сел. Игнат где-то исчез. Анна Михайловна тоже. Князь Василий остался у постели графа.

Даня снял очки и протёр их краем платка.

Без очков лица у двери превратились в пятна. Это почему-то было легче.

Он успел посидеть так секунд тридцать, когда из соседней

комнаты донёсся резкий женский голос:

— Оставьте!

Потом Анна Михайловна:

— Я вас уверяю, княжна, я ничего не желаю для себя. Боже сохрани. Я только исполняю...

— Оставьте портфель.

Даня надел очки.

Дверь была приоткрыта.

Он встал.

В небольшой гостиной две женщины держались за один мозаичный портфель. За одну ручку тянула Анна Михайловна, за другую — высокая худая княжна с лицом, на котором возмущение уже перестало быть чувством и стало занятием. У стены, тяжело откинувшись в кресле, сидел князь Василий.

Даня на миг поймал себя на старом рефлексе: сначала оценить предмет, за который идёт борьба, и только потом людей. За стеной лежал человек, чью горячую руку он только что держал. От собственного рефлекса стало неловко.

— Пётр Кириллович! — Анна Михайловна заметила его и, не выпуская ручки, заговорила всё той же мягкой тягучестью: — Мой друг, подойдите. Вы ведь не посторонний в семейном деле.

Княжна повернула к нему побледневшее лицо.

— Семейном? Здесь Бог знает кто распоряжается у постели моего отца.

— Милая княжна, я только прошу дать ему покой. Сейчас не время спорить о бумагах.

— Тогда отпустите их.

Анна Михайловна не отпустила.

Князь Василий поднял голову.

— Довольно, — сказал он устало. — Катиш, оставь. Анна Михайловна, и вы оставьте.

Ни одна не послушалась.

Даня остановился рядом, совершенно не понимая, кого здесь полагается спасать и от кого. Про портфель он помнил только три вещи: важен, связан с завещанием, вокруг него будет скандал. Кто сейчас прав, память не подсказывала.

— Пьер, скажите же, — обратилась к нему Анна Михайловна.

Князь Василий посмотрел на него неожиданно жёстко.

— Вы не знаете, что здесь происходит, мой друг. Не вмешивайтесь в то, чего не понимаете.

Даня открыл рот, но сказать было нечего.

Княжна дёрнула портфель на себя. Анна Михайловна удержала. Ручки натянулись, мозаичная крышка ударилась о край стола.

В этот момент дверь из спальни распахнулась, и на пороге появилась другая княжна — белая, растерянная, с поднятыми руками.

— Он уходит, — выговорила она. — А вы все здесь.

Катиш отпустила портфель. Анна Михайловна поймала

его обеими руками и сразу пошла к спальне. Князь Василий поднялся так резко, что кресло скрипнуло по полу.

На столе остался светлый след от мозаичной крышки. Дания посмотрел на него и пошёл за остальными.



Граф Кирилл Безухов умер под утро.

К тому времени Дания уже перестал понимать, сколько часов прошло.

Он снова сидел у кровати. Руку старик больше не держал. Она лежала поверх одеяла, ладонью вниз. Врач время от времени наклонялся к лицу, слушал, отходил. Священник читал. Анна Михайловна стояла у стены. Катиш не было видно.

Игнат появился бесшумно и поставил возле Дании другой стул.

— Сядьте, барин.

— Я уже сажу.

Игнат потрогал спинку его стула и придвинул принесённый ближе.

— Этот мягче.

Дания пересел. Игнат забрал старый стул и ушёл, не дожидаясь благодарности.

На каминной полке ходил маленький маятник. Дания начал считать его движения, потому что больше было нечего делать. На тридцатом врач наклонился к графу. Маятник до-

шёл до левого края — и не вернулся. Не замедлился, не качнулся слабее: просто остался там. В ту же секунду пламя свечей у стены перескочило вправо.

Даня встал. Врач приложил пальцы к шее графа, второй подошёл ближе, священник оборвал молитву на полуслове. Никто не посмотрел на свечи. Никто даже не моргнул; Даня видел открытые глаза врача, Анны Михайловны, князя Василия у дальней стены.

Маятник снова пошёл: тик, тик, тик.

Врач выпрямился. Анна Михайловна закрыла лицо платком, священник перекрестился. Князь Василий опустил голову.

Даня смотрел на неподвижную руку старика, на огромные домашние туфли под кроватью, на ложку и тёмное пятно на рукаве врача. Он снял очки, протёр их и снова надел. Ничего не изменилось.

Князь Василий подошёл первым и сел рядом, тяжело, совсем не по-светски.

— Пьер, mon cher...

Он взял Даню за локоть. Нижняя челюсть у него дрогнула, и на мгновение лицо стало старше.

— Сколько человек суетится, обманывает себя, чего-то добивается... а конец один. Страшная вещь — смерть.

На последних словах голос сломался. Князь Василий отвернулся и провёл ладонью по глазам. Даня не нашёл ответа и просто сидел рядом.

Через некоторое время князь поднялся, вытер лицо платком и привычным движением поправил манжету. У двери его ждал человек с папкой бумаг.

— Нотариус здесь? — спросил князь Василий уже ровнее.

— Здесь, ваше сиятельство.



ГЛАВА 2. ЭКЗАМЕН ПО ПАМЯТИ

Утром Даня проснулся и первые две секунды успел решить, что вернулся в собственную комнату. Потолок был светлый, одеяло тяжёлое, за окном кто-то ругался с лошадыю. Никакой капсулы, никакой сирены, никакого Гоши, орущего про неправильный ключ.

Потом он поднял руку. Рука всё ещё была большой, белой и явно принадлежала Пьеру.

— Ну да, — сказал Даня.

В дверь постучали.

— Войдите.

Игнат вошёл боком, потому что перед собой нёс поднос размером с небольшой стол.

На подносе стояли кофейник, чайник, молочник, две чашки, три тарелки, хлеб, булочки, масло, сыр, холодное мясо, яйца и что-то в серебряной миске, похожее на кашу, но слишком уверенное в себе.

Даня приподнялся на локтях.

— Это кому?

Игнат поставил поднос.

— Вам.

— Всё?

— Там ещё фрукты.

Он вышел и вернулся с вазой.

Даня посмотрел на вазу, потом на поднос.

— Я вчера умер?

Игнат поправил чашку, стоявшую на полпальца криво.

— Батюшка ваш.

— Нет, я про себя.

— Ночью спали.

Даня потёр лицо.

— Значит, нет.

Даня спустил ноги с кровати. Тело немедленно потребовало еды. Желудок среагировал на запах мяса с таким энтузиазмом, будто вчерашняя смерть графа была событием печальным, но завтрак по расписанию.

Он взял булочку.

— Сколько я обычно ем?

Игнат посмотрел на булочку.

— По-разному.

— Это всё — обычный завтрак?

— Облегчённый.

Даня медленно положил булочку обратно. Игнат ничего не сказал, только подвинул к нему тарелку с яйцами.

Даня взял одно.

Фарфор под пальцами был тонкий. Ложечка — серебряная. Салфетка пахла крахмалом. Он сидел в постели человека, у которого даже завтрак требовал отдельного персонала, и пытался вспомнить, сколько денег оставалось вчера на его банковской карте.

Кажется, семьсот сорок рублей.

И ещё долг Гоше за пиццу.

Если это симуляция, бюджет у неё явно не студенческий.

Игнат налил кофе.

— Какое сегодня число? — спросил Даня.

Игнат назвал дату. Даня повторил её про себя и ничего не почувствовал.

— А год?

Теперь лакей посмотрел прямо на него. Даня понял, что вопрос прозвучал хуже первого, и взял чашку.

— Я проверяю, насколько сильно меня вчера приложило.

— Не прикладывало.

— Значит, хуже.

Игнат поставил кофейник.

— Тысяча восемьсот пятый.

Даня сделал глоток и обжёг язык.

Игнат подал воду.

— Спасибо.

— Горячее.

— Уже понял.

1805.

Цифра наконец встала на место: Аустерлиц, Андрей, Лиза, Элен, наследство. А где-то дальше — 1812-й, пожар Москвы, Бородино, плен. Если, конечно, впереди вообще было то, что он помнил.

Яйцо тем временем успело остыть. Даня съел его почти не

замечая вкуса. После завтрака Игнат начал собирать посуду. Даня проводил взглядом серебряную ложку, потом вспомнил другой блеск — свечи у постели графа и маятник, который на один удар перестал возвращаться.

— Игнат.

Тот поставил чашку на поднос.

— Барин.

— В комнате батюшки, на каминной полке, есть маленькие часы. С маятником. Принеси их ко мне в кабинет.

Игнат впервые за всё утро посмотрел не на посуду, а прямо на него.

— Покойного графа?

Слово неприятно кольнуло. Даня кивнул.

— Их. Только не заводи и не поправляй. Как стоят, так и принеси.

Игнат снял с подноса кофейник, будто собирался что-то сказать, но вернул его на место.

— Добро.

— И я с тобой.

Это уже вызвало второй взгляд. Даня встал, накинул халат и пошёл первым, пока не успел придумать объяснение хуже настоящего.

Комнату графа проветривали. Шторы раздвинули, часть свечей погасили, постель уже застилали свежим бельём. От вчерашней ночи остались запах воска, лекарств и тяжёлая тишина, в которой каждый звук становился лишним. Даня

не подошёл к кровати. Сразу повернул к камину.

На полке стояли небольшие бронзовые часы. Под циферблатом в узком стеклянном окошке ходил маятник: вправо, влево, вправо, влево. Совершенно исправно.

Даня насчитал двадцать движений. Ни одного пропуска.

— Они сегодня останавливались?

Игнат уже подложил под часы сложенную салфетку, чтобы не поцарапать бронзу.

— Не видел.

— Вчера видел?

— На покойника смотрел.

Ответ был настолько простым, что Даня почувствовал себя идиотом. Конечно. В комнате умирал человек, а он один считал качания железки.

Игнат поднял часы обеими руками. Маятник продолжал двигаться. В дверях Даня остановил его жестом, прислушался и снова сосчитал десять ударов. Ритм не изменился. В коридоре — ещё десять. В кабинете — ещё.

— Куда?

Даня показал на край письменного стола, потом передумал и освободил место на отдельной тумбе у стены.

— Сюда. Чтобы я видел.

Игнат поставил часы и убрал салфетку.

— Мешают?

Даня посмотрел на него. Вчера он сам сказал бы что-нибудь про странности хозяина. Сегодня Игнат просто ждал от-

вета.

— Пока нет. Надо проверить одну вещь.

— Добро.

Игнат ушёл с подносом. Даня остался перед маятником. Тот ходил ровно, как будто ночью ничего не случилось.

Он не стал записывать вывод. Пока у него был не вывод, а предмет, который однажды сделал что-то невозможное. Маятник продолжал ходить, пока Даня расчищал перед собой бумагу и чернильницу.



Когда Игнат ушёл, Даня запер кабинет и дважды проверил ручку. На письменном столе лежали бумага, чернильница и перья; он сел перед ними с решимостью человека, которому наконец выдали знакомый тип задачи.

— Ну, Толстой, — сказал Даня. — Давай посмотрим, сколько я из тебя помню.

Перо оказалось первой проблемой.

Он макнул слишком глубоко. На бумагу упала клякса размером с Крым. Даня отодвинул лист и взял второе перо.

Второе перо царапало и почти не писало.

Третье писало, но Даня держал его как шариковую ручку и через четыре слова посадил ещё одну кляксу.

Он отложил лист.

Взял новый.

На третьем листе рука вдруг сама развернулась чуть иначе. Пальцы сдвинулись. Запястье расслабилось. Перо пошло ровнее.

Даня посмотрел на руку.

— Ага.

Он нарочно снова взял перо неудобно — почерк сразу поплыл. Стоило расслабить пальцы, как хват вернулся сам, а буквы пошли быстрее, с другим наклоном и более широким движением.

Тело знает.

Сверху Даня написал **КОНСПЕКТ**, подумал и зачеркнул. Само слово было безобидным, содержимое — уже нет. Поэтому новый лист получил заголовок **ПАМЯТЬ** и три колонки: **ТОЧНО, ПРИМЕРНО, НЕ ПОМНЮ.**

Экзамен по памяти. Восемь лет школы, четыре года университета, и вот наконец пригодились.

Он начал.

ТОЧНО:

Бородино.

Пожар Москвы.

Пьер в плену.

Наташа Ростова.

Каратаев.

1812.

Он остановился.

1812 было единственной датой, которой Даня доверял без

проверки. Даже человек, не открывавший Толстого, знал 1812.

Дальше стало хуже.

ПРИМЕРНО:

Масоны.

Дуэль с Долоховым.

Элен.

Анатолий.

Андрей — Бородино? ранен? умер позже?

Он поставил вопросительный знак такой жирный, что перо прорвало бумагу.

НЕ ПОМНЮ:

Когда дуэль.

Когда свадьба с Элен.

Когда масоны.

Кто кому что сказал.

Какие имения.

Кто именно украл портфель.

Как отец Пьера умер — кроме того, что уже умер.

Даня откинулся на стуле. Конспект на обычный экзамен он сделал бы лучше.

Вчера всё казалось проще: попал в книгу, знаешь сюжет, пользуешься спойлерами. На бумаге выяснилось, что от романа у него осталось несколько войн, несколько фамилий, пожар и уверенность человека, который пересказ смотрел внимательнее, чем первоисточник.

— Молодец, — сказал он себе. — Ты буквально попал на экзамен.

За дверью прошли люди. Голоса. Потом снова стало тихо. Даня наклонился над листом.

ТОЧНО: Пьер богат.

Он подумал.

Зачеркнул.

Пока ещё не богат. Отец умер ночью. Завещание есть. Наследство должно достаться ему — вроде бы.

ПРИМЕРНО: Пьер станет очень богат.

Так честнее.

Он добавил:

ТОЧНО: князь Василий хочет что-то от Пьера.

Перо зависло.

«Что-то» выглядело жалко.

Он дописал:

Элен? Деньги? Оба?

Поставил во вторую колонку.

Теперь лист хотя бы перестал притворяться учебником и стал похож на расследование.



Первый серьёзный опыт с чужой памятью начался из-за кофе.

Игнат принёс вторую чашку около полудня и, ставя её на

край стола, предупредил:

— Через час начнут приезжать с соболезнованием.

— Много?

— Дом большой.

Даня уже понимал, что это значит «много», и отпустил его.

От запаха кофе в голове на мгновение стало тепло и светло. Не картинка и не воспоминание — скорее ощущение нагретого камня под ладонью, чужая французская речь рядом и уверенность, что ответить на неё будет легко. Даня попытался ухватиться за место, лицо, имя, но всё исчезло раньше, чем он успел решить, было ли там вообще что-нибудь кроме ассоциации.

Он открыл лежавшую на столе французскую записку. Смысл пришёл сразу, без внутреннего перевода. Первую фразу он прочёл вслух и только после этого сообразил, что произношение тоже не пришлось вспоминать.

С пером было так же. Стоило перестать сознательно ставить пальцы, и рука сама находила удобный хват. Но на вопросы «кто учил Пьера французскому?» и «где именно он жил в Париже?» внутри не нашлось ничего, кроме смутного ощущения знакомости.

Даня вернулся к листу и на полях написал:

ТЕЛО: навыки — да. Факты — нет?

Вопросительный знак оставил. После вчерашнего он уже не хотел превращать первый удачный опыт в закон мира.



Соболезнующие начали приезжать после полудня. Пожилой господин с бакенбардами говорил долго и тихо; две дамы в чёрном почти одинаково вспоминали доброту покойного; ещё один мужчина держал Даню за руку дольше, чем было удобно, и трижды повторил, какого человека потеряла Москва.

Через несколько визитов Даня понял хотя бы одно: если не знаешь, кто перед тобой, лучше не пытаться это выяснить прямо. Достаточно слушать, вовремя благодарить и не мешать человеку закончить приготовленную речь. Игнат держался возле двери и время от времени произносил фамилию гостя чуть громче необходимого:

— Графиня Ростопчина.

Или:

— Князь Оболенский.

Даня пытался запоминать, но имена уходили почти сразу. Люди знали Пьера гораздо лучше, чем он знал их, и эту разницу никакой телесный навык пока не закрывал.

Одна молодая дама приехала с пожилой родственницей и заговорила быстро, легко перескакивая на французский:

— ...ваш бедный père всегда был так добр к нам, а вы, mon cher Pierre, должны теперь беречь себя...

Она протянула руку. Даня на этот раз наклонился вовремя

и уже почти поздравил себя с успехом.

— Спасибо. Ты очень...

Он услышал собственное «ты» одновременно с тем, как пожилая родственница повернула голову.

— Простите. Вы очень добры.

Молодая дама отняла руку чуть быстрее, чем собиралась. Несколько мгновений никто не находил удобной фразы, и Игнат, подошедший с чайным подносом, сказал без всякого выражения:

— Его сиятельство после ночи нездоровы. Чаю изволите?

Дама ответила «разумеется», её спутница занялась чашкой, а Даня до конца визита говорил только «благодарю» и «вы очень добры».

Когда дверь за ними закрылась, он догнал Игната в коридоре.

— Спасибо.

Игнат принял у него пустую чашку.

— Не за что, барин.

И ушёл на кухню за свежим чаем.



К вечеру Даня устал от чужих лиц, от фамилий и от необходимости всё время помнить, куда девать руки. Он вернулся в кабинет, где три колонки уже расплзлись на два листа, и долго сидел над ними, ничего не добавляя.

Дворовая девушка принесла воду.

— Водицу поставлю, барин.

Она поставила графин у окна и ушла.

Через час та же девушка пришла забрать пустой стакан и снова сказала:

— Водицу поставлю, барин.

Даня поднял голову.

— Ты же забираешь.

— Что, барин?

— Ничего.

Он решил, что ослышался. Но ещё через два часа дверь открылась в третий раз. В руках у девушки был новый графин.

— Водицу поставлю, барин.

На этот раз Даня уже слушал специально. Те же слова, то же ударение, почти тот же темп. Девушка поставила воду, поправила край передника и вышла, ничем не показав, что сказала что-то необычное.

Даня взял перо и на свободном краю листа написал:

СТРАННОСТИ

Свечи — пропущенный кадр. Вода — одна фраза трижды. Проверить.

Эта запись хотя бы относилась к тому, что можно было проверить снова.

Он вернулся к колонке **ТОЧНО** и перечитал её с начала: Бородино, пожар Москвы, плен, Каратаев, Наташа...

Андрей погибает при Бородине.

Даня задержал палец на строке. Утром её там не было. Про Андрея он записал совсем другое — в средней колонке всё ещё стояло: **Бородино? ранен? умер позже?**

Почерк в обеих строках был один и тот же. Его нынешний.

Он попытался вспомнить, когда перенёс версию в «точно». Между визитами? После кофе? Пока ждал очередного гостя? Ни одного момента не находилось.

Даня поставил рядом со строкой вопросительный знак, потом на полях написал:

“ТОЧНО” тоже проверять.

Чернила ещё блестели, когда за дверью прошли шаги.

— Водицу поставлю, барин, — донёсся из коридора знакомый голос.

Даня повернул голову к двери.



ГЛАВА 3. НАСЛЕДСТВО

Завещание читали за большим столом, на котором никто не решался поставить чашку.

Даня сидел у одного края. Князь Василий — напротив. Катиш — чуть в стороне, прямая, сухая, в трауре. Анна Михайловна устроилась так, чтобы одновременно видеть Даню, бумаги и всех, кто смотрел на бумаги.

Нотариус разложил листы по порядку.

Их было много.

Даня заранее решил не делать ничего умного. Вчера он выяснил, что помнит сюжет плохо. Сегодня собирался использовать единственную стратегию, которая работала на экзаменах, когда вопрос незнакомый: молчать, пока преподаватель сам не скажет половину ответа.

Нотариус начал читать. Первые пять минут Даня выхватывал отдельные слова — «воля», «сын», «имущество», какое-то «высочайшее» — и безнадежно терял нить между ними. Юридический язык обладал редким свойством: каждое слово было знакомо, а предложение в целом отказывалось что-либо сообщать.

Поэтому Даня просто старался выглядеть так, будто понимает.

Князь Василий держал пальцы сцепленными на столе. Его лицо выражало печаль человека, который пришёл исклю-

чительно почтить память умершего и совершенно случайно оказался на чтении документа стоимостью в несколько состояний.

Катиш не шевелилась.

Анна Михайловна иногда прикладывала платок к губам.

Нотариус перевернул страницу.

— ...с признанием Петра Кирилловича законным сыном покойного его сиятельства и с переходом к нему прав, титула и всего означенного в приложениях имущества...

На словах о законном сыне Даня перестал изображать понимание. Князь Василий медленно опустил глаза; Катиш побелела так заметно, что Даня сначала подумал, не стало ли ей дурно. Анна Михайловна перекрестилась.

— Простите, — сказал Даня. — Можно последнее ещё раз?

Нотариус чуть наклонил голову.

— Пётр Кириллович признаётся законным сыном покойного графа и вступает в наследование состояния согласно воле его сиятельства и утверждённым бумагам.

— Всего состояния?

Нотариус помедлил ровно столько, сколько требовала осторожность.

— Согласно завещанию — да.

Первым заговорил князь Василий:

— Mon cher Pierre, твой отец этого желал. Теперь нам остаётся исполнить его волю достойно.

Слово «нам» Даня отметил про себя. Катиш отвернулась к окну, а Анна Михайловна коснулась его рукава.

— Ваш батюшка любил вас, мой друг. Не всегда умел показать, но любил. Я это знала.

Даня снова увидел большую сухую руку на одеяле.

Он ничего не ответил.

Нотариус продолжил читать. Даня слушал внимательнее, но юридический смысл всё равно расплзся между знакомыми словами.

Когда чтение закончилось, люди в комнате начали двигаться одновременно. Стулья отодвинулись. Бумаги сложили. Кто-то позвал секретаря. Анна Михайловна заговорила с нотариусом. Князь Василий подошёл к Катиш.

Даня остался сидеть.

Утром он был незаконным сыном очень богатого умирающего человека.

Теперь ему сообщили, что он граф, законный сын и владелец чего-то настолько большого, что описание не поместилось в один документ.

Вчера семьсот сорок рублей. Сегодня — приложения к состоянию.

Он снял очки, протёр и вернул на место. Перед нотариусом всё так же лежали бумаги с его новой фамилией и новым состоянием.



Катиш нашла его в библиотеке. Даня ушёл туда после чтения завещания, потому что в библиотеке люди хотя бы имели уважительную причину молчать. Он стоял у шкафа и рассматривал корешки, не читая названий.

— Пётр Кириллович.

Катиш вошла и закрыла дверь. Даня вспомнил нужное обращение:

— Княжна.

Она некоторое время молчала, глядя не на него, а на книги.

— Вас сегодня будут поздравлять, — сказала она наконец.

— Я не стану.

— Спасибо... наверное.

Катиш пропустила это.

— Мы жили здесь годами. Сёстры, я. Вели дом, принимали людей, сидели возле него, когда он никого не хотел видеть. В последние месяцы все только и говорили ему, что он должен сделать.

Даня вспомнил портфель в руках Анны Михайловны и Катиш. Спорить с этим воспоминанием было трудно.

— А я приехал в самом конце.

— Именно.

Она сказала это устало, без торжества. Потом заговорила о

сёстрах, о содержании дома, о старых обещаниях графа, которые никто не позаботился записать достаточно ясно. Даня несколько раз хотел спросить, какую сумму она имеет в виду, но каждый раз вопрос казался грубее, чем секунду назад.

— Чего вы хотите от меня сейчас? — спросил он всё-таки.

Катиш сжала пальцы на спинке кресла.

— Сейчас? Решать сегодня было бы неприлично. Но обязанности моего отца не исчезли оттого, что завещание оказалось составлено не в нашу пользу.

— Я про них не забуду.

— Пусть.

Катиш отняла руку от спинки кресла, но к двери не пошла.

— Я разберусь с бумагами. Если отец действительно что-то обещал вам или вашим сёстрам... я посмотрю, что можно сделать.

Катиш впервые посмотрела прямо на него.

— Посмотрим, Пётр Кириллович.

Она сделала короткий реверанс и вышла.

Только когда дверь закрылась, Даня заметил Игната у второго входа в библиотеку. Тот принёс бельё и уже раскладывал рубахи по шкафу.

— Ты это слышал?

— Слышал, барин.

— Я ведь ничего не обещал.

Игнат не отрывался от дела.

— Не мне судить.

Даня сел в кресло.

— Я сказал, что посмотрю бумаги. Она решила, что я согласился?

Игнат закрыл шкаф.

— Княжна ушли спокойнее.

Даня покрутил это в голове, но Игнат уже взял пустую корзину и вышел. Пришлось возвращаться к собственным словам без переводчика.



Князь Василий пришёл вечером без приглашения — или, по крайней мере, Даня не знал, кто его приглашал. В доме Безуховых такие вещи выяснялись уже после того, как гость оказывался в комнате.

Он застал Даню над бумагами.

— *Pierre, mon cher*, ты и вправду решил сам всё это читать?

— Пока пытаюсь.

Князь Василий сел напротив и подвинул к себе один из листов ровно настолько, чтобы взглянуть на заголовок.

— Напрасно, *mon cher*. Для этого твой отец держал людей. Пусть каждый делает своё дело. А ты пока не подписывай того, чего не понял.

Даня сразу убрал руку от пера.

— Это я запомню.

— Я пришлю тебе Дмитрия Онуфриича, если хочешь. Он знает дела твоего отца лучше половины тех, кто уже предлагает тебе помощь.

Предложение звучало разумно. Именно поэтому Даня не спешил соглашаться.

Князь Василий некоторое время расспрашивал о похоро-
нах, о нотариусе, о том, спал ли Даня вообще. Только потом,
словно продолжая давно начатый разговор, сказал:

— Когда закончишь здесь, приезжай в Петербург. В
Москве теперь месяца два будут вспоминать, кто когда обе-
дал с твоим отцом и что он кому будто бы обещал. Тебе это
скоро надоест.

— Вы хотите, чтобы я уехал сейчас?

— Сейчас? Нет, мой милый. У тебя здесь дела. Но оста-
ваться одному среди этих бумаг тоже незачем.

Он назвал Элен, Ипполита, ещё нескольких людей. Даня
почти перестал слушать после первого имени. Про Элен он
помнил достаточно: брак, Долохов, дуэль. Детали путались,
но осторожности для этого хватало.

— Я пока останусь в Москве.

Князь Василий посмотрел на него, потом на бумаги.

— Оставайся. Это твой дом.

Ни спора, ни обиды. Он только попросил сообщить, ес-
ли понадобится поверенный, и велел не подписывать ничего,
чего Даня не понял. Последний совет был настолько похож

на собственное решение Дани, что тот не нашёл, чем возразить.

У двери князь Василий обернулся:

— И не сиди над этим до утра. Ты ничего не выиграешь, если завтра не сможешь прочесть собственную фамилию.

— Постараюсь.

— Нет, — устало сказал князь. — Просто ложись спать.

Он ушёл.

Даня ещё некоторое время смотрел на закрытую дверь, потом всё-таки повернул ключ в замке и вернулся к бумагам.



На следующий день нотариус принёс опись состояния. Вернее, первую её часть: он явился с секретарём и двумя папками, а через двадцать минут лакей внёс третью.

— Это всё? — спросил Даня.

Нотариус кашлянул.

— Это недвижимые имущества по первой ведомости, ваше сиятельство.

Остальные, как выяснилось, ещё сводили. Начались губернии, земля, леса, мельницы, городские дома, доходы, недоимки, чужие долги Безуховым и долги самого дома. Даня записывал и даже некоторое время чувствовал себя увереннее: цифры хотя бы не требовали реверансов.

Потом нотариус сказал:

— По последней полной ревизии числится душ мужского пола...

Он назвал пятизначное число.

Перо у Дани остановилось посреди строки.

— Простите. Душ?

— Да, ваше сиятельство.

— Это люди?

Секретарь перестал шуршать бумагами.

— Крепостные души, приписанные к имениям, — осторожно ответил нотариус.

До этого число обозначало размер состояния. Теперь Дания попытался представить разом столько людей и не смог.

— Они мои?

Нотариус поправил лист перед собой.

— Они состоят за вашими имениями.

Дания больше не уточнял. Дальше снова шли мельницы, деревни, лес, а между ними — двести душ, триста с лишним, ещё сто восемьдесят. На бумаге каждая деревня занимала одну строку.

Когда с первой ведомостью закончили, Дания спросил:

— А я могу их освободить?

Секретарь поднял голову так резко, что очки съехали. Нотариус остался внешне спокоен.

— Такое решение требует отдельного рассмотрения. Есть законы, залоги, обязательства по имениям, порядок оформления...

— Я понял. Сегодня ничего не делаем.

Нотариус кивнул, и бумаги наконец сложили обратно в папки.



К вечеру Даня начал замечать, что по дому идёт уже иначе. Вчера он сам уступал дорогу и следил за Игнатом, чтобы не перепутать поклон с реверансом. Теперь лакеи отходили к стене раньше, чем он приближался, двери открывались до его руки, а управляющий на лестнице остановился двумя ступенями ниже и ждал, пока новый граф пройдёт.

В кабинете покойного всё оставалось на своих местах. Пахло табаком и бумагой; тело смутно узнавало расстояние до стола, край ковра, о который легко зацепиться, тугую створку шкафа. Никакого лица или разговора за этим знанием не было.

На столе лежала графская печать.

Когда Даня задержал на ней взгляд, металл вдруг стал слишком отчётливым: проступили мелкие царапины, грань ручки, тёмная полоска тени у основания. Он моргнул — обычная печать. Посмотрел снова — резкость вернулась.

Чернильница отозвалась слабее. Подсвечник — никак.

Даня ещё раз посмотрел на печать и оставил её в покое.

Он сел в кресло и открыл счёт московского дома, оставленный нотариусом. Первая страница была длинной. Вторая

— почти такой же. На третьей он позвал Игната.

— Это обычные расходы?

Игнат пробежал глазами лист.

— Для этого дома — обычные.

— Столько на свечи?

— Много комнат.

Даня перевернул страницу.

— И вино.

— Гостей много.

Ответы были скучными и от этого неприятно убедительными. За каждой строкой стояло не золото в сундуке, а люди, лошади, кухни, крыши, отопление и ещё десятки вещей, существование которых он до вчерашнего дня не замечал.

— Ещё бумаги есть? — спросил он.

— Принесли.

Игнат вышел и вернулся с двумя стопками. Вторая оказалась выше первой и заняла место рядом с печатью.

Даня молча передвинул печать к краю стола, освобождая бумагам ещё несколько дюймов.



ГЛАВА 4. МЕНЮ, КОТОРОГО НЕТ

На четвёртое утро Даня решил выйти. Не из комнаты — из всего.

Он лёг посередине кровати, вытянул руки и закрыл глаза.
— Выход. Завершить сеанс. Отключиться. Меню.

За окном проехала телега. Во дворе кто-то прикрикнул на собаку. Где-то в доме звякнула посуда. Мир не проявил ни малейшего интереса к командам.

Даня досчитал до ста, потом обратно, сбился на сорока трёх и начал заново. Представил белый экран капсулы, лиловый свет, последний крик Гоши. Попытался воспроизвести положение тела в капсуле — ноги чуть согнуты, затылок в мягкой выемке, руки вдоль корпуса. Матрас под Пьером оказался гораздо мягче, чем ложемент устройства, но на этом различия и закончились: ни загрузки, ни темноты, ни голоса из динамика.

В дверь постучал Игнат.

— Не сейчас.

— Завтрак, барин.

— Через десять минут.

— Добро.

Шаги удалились.

Даня попробовал заснуть и проснуться «правильно», но только сильнее разогнал мысли. Задержал дыхание — тело через полминуты вдохнуло само, без всякого уважения к эксперименту.

Он сел, спустил ноги на пол и несколько минут просто смотрел на окно.

Третий этаж. Внизу каменный двор, коновязь и телега с пустыми бочками. Мысль о том, что смерть в симуляции могла бы выбросить его в меню, продержалась ровно до следующей: если это не симуляция, выбросит его только во двор.

Даня подошёл ближе и положил ладонь на раму. Дерево было прохладным, под ногтем зацепилась старая краска. Слишком много мелочей для идеи, которую хотелось проверить собственным позвоночником.

Окно он не открыл.



На лестнице Даня всё-таки попробовал проверить, насколько далеко готов зайти.

Высота была не смертельная — если очень повезёт. Он положил ладонь на перила и поставил ногу на нижнюю перекладину. Тело отреагировало раньше мысли: пальцы сильнее сжали дерево, колено задрожало, ступня вернулась на пол.

Он сделал вдох и повторил. На этот раз сумел задержать-

ся на перекладине дольше, но смотреть вниз не получалось: шея сама держала голову выше, а свободная рука нашла стойку перил.

— Ну давай, — сказал Даня тихо.

Нога снова спустилась на ступень.

Мимо прошла горничная с бельём и заметно замедлилась. Она старалась не смотреть на молодого графа, который стоял у ограждения в одной рубашке и спорил сам с собой, но любопытство победило.

— Доброе утро, барин.

— Доброе.

Она прошла дальше. Даня дождался, пока шаги стихнут, и ещё раз посмотрел вниз.

Никакой мистики он не почувствовал. Никакой невидимой стены. Просто руки искали опору, ноги — широкую часть ступени, живот неприятно стягивало при одной мысли о падении. Тело Пьера совершенно определённо хотело жить.

С этим Даня решил пока не спорить.



Молитва казалась способом безопаснее.

Проблема выяснилась сразу: ни одной молитвы целиком Даня не знал. «Отче наш» продержался примерно до хлеба насущного, после чего распался на знакомые куски. Он по-

пробовал начать сначала, перепутал строки и сдался.

Тогда заговорил своими словами:

— Господи. Если всё это не то, чем кажется... можно какой-нибудь знак? Небольшой. И, пожалуйста, понятный.

Икона осталась иконой. Даня подождал, потом почувствовал себя человеком, который позвонил не по тому номеру и почему-то ждёт ответа.

Домашнего священника он нашёл возле часовни. Батюшка оказался молодым, рыжеватым и усталым; на столе перед ним лежали раскрытая книга, огарок свечи и холодная чашка.

При появлении нового графа он сразу поднялся.

— Ваше сиятельство.

— Батюшка, можно вопрос?

— Разумеется.

Даня сел, но дальше оказалось труднее. Слово «привратник» уже в голове звучало глупо.

— Бывают люди, которые... следят за переходом?

Священник нахмурился.

— За каким переходом?

— Вот именно.

— Между приходами?

— Нет.

— Вы о смерти?

— Очень надеюсь, что нет.

Батюшка отложил книгу. Теперь он смотрел уже не веж-

ливо, а внимательно.

— Тогда объясните.

Даня попробовал.

— Представьте, человек оказался не там, где должен быть. Совсем не там. Проснулся — и всё вокруг чужое. Дом чужой. Имя... тоже как будто чужое.

Священник слушал, не перебивая.

— После смерти отца? — спросил он наконец.

— Нет. То есть это началось раньше.

— Вы плохо спите?

Даня чуть не рассмеялся, но передумал.

— Тоже.

— Едите?

— Более чем.

Батюшка кивнул, будто это что-то проясняло.

— После тяжёлого потрясения человек может не узнавать собственной жизни. Особенно если жизнь вдруг стала другой.

Это было настолько нормальное объяснение, что Даня на секунду разозлился.

— А если она не стала другой? Если она действительно чужая?

Священник помолчал. Потом спросил:

— Вы хотите сказать, что совершили что-то и теперь не можете с этим жить?

— Нет.

— Или боитесь совершить?

— Тоже нет.

Разговор упорно ехал по рельсам, которых Даня не прокладывал.

Он почти сказал: «Я проснулся в теле Пьера Безухова». Представил врача, родственников, исповедь, новости по дому — и проглотил фразу.

— Забудьте.

— Не думаю, что вам стоит забывать то, ради чего вы сюда пришли.

— А что мне стоит?

Священник посмотрел на него с лёгкой усталостью.

— Для начала поспать. Потом, если захотите, исповедаться. Я не обещаю вам ответа на вопрос, которого пока не понял.

Это Даня уважал больше, чем готовое откровение.

— Подумаю.

— Я здесь.

В коридоре ему захотелось записать что-нибудь ехидное про церковь и отсутствие меню, но он не стал. Священник не дал нужного ответа и честно признал, что не понял вопрос.



Зеркало выдержало меньше минуты.

— Если ты интерфейс, моргни, — сказал Даня.

Отражение послушно моргнуло вместе с ним.

— Спасибо.

Он попробовал ещё несколько слов: «статус», «помощь», «настройки», «администратор». Никаких букв над головой, полос здоровья или голоса из пустоты.

На «администраторе» за дверью отозвался Игнат:

— Барин?

— Ничего. Я не тебя.

— Завтракать будете?

Даня посмотрел на Пьера в зеркале — растрёпанного, большого, уже заметно менее чужого, чем три дня назад.

— Буду.



После нескольких дней бессмысленных попыток Даня вернулся к тому единственному, что уже видел собственными глазами: к свечам.

На тумбе у стены со второго утра стояли бронзовые часы из комнаты отца. Даня специально не называл их прибором. Пока они были всего лишь вещью, которая один раз остановилась в ту же секунду, когда свечи пропустили кусок движения.

Он переставил часы на край стола так, чтобы видеть маятник боковым зрением, а перед собой поставил свечу. Первые три минуты ничего не произошло. Пламя чуть тянулось к

окну, маятник ходил ровно, механизм отмерял время с раздражающей добросовестностью.

Вторая свеча тоже ничего не дала. На третьей Даня уже начал думать, что сам превратил смерть отца в удачно смонтированное воспоминание, когда огонёк перескочил вправо без промежуточного движения.

Почти одновременно он ждал очередного тика — и не услышал.

Маятник дошёл до края, задержался там дольше обычного и только потом вернулся. Один потерянный такт. Дальше часы снова пошли ровно.

Даня не тронул перо. Проверил окно, дверь и фитиль, подождал, пока сердце перестанет колотиться быстрее часов, и зажёл четвертую свечу.

На этот раз пришлось ждать дольше. Он уже отвёл глаза, когда пламя раздвоилось на два тонких языка и тут же снова стало одним. В тот же момент тик часов пришёл поздно. Не намного — ровно настолько, чтобы Даня, считавший вслух, сбился.

— Двадцать семь...

Он посмотрел на маятник.

— Двадцать семь.

Повторять число было приятно, но доказательством оно не становилось. Даня записал две строки: время, свеча, пропущенный такт. Никакого правила рядом не написал.

С узором на обоях получилось иначе. Золотой завиток над

комодом на мгновение раздвоился, второй край лёг рядом с первым на толщину волоса, но часы продолжили идти ровно. Даня от неожиданности задел стул, и тот упал.

— Барин? — сразу донеслось из коридора.

— Стул. Всё цело.

Игнат не вошёл.

Дверная ручка и монета ничего не показали. Собственное отражение тоже оказалось упрямо нормальным. Со стаканом воды странность появилась только после того, как Даня переставил его так, чтобы в поверхности отражалось окно: по воде прошёл один ровный круг, хотя стол не двигался и сквозняка не было. Маятник в этот раз не сбился.

Даня достал отдельный лист. Сначала хотел написать сверху «баги», но остановился. Баг — это уже признанная ошибка. Здесь у него были две свечи, один круг на воде, раздвоившийся узор и часы, которые дважды опоздали вместе с огнём.

Он написал: **ШЕРОХОВАТОСТИ.**

Под ним — только наблюдаемое. Никаких «значит».



На следующий день Даня решил перестать ждать случайности.

Он закрыл окно, проверил фитиль новой свечи и поставил бронзовые часы в полуаршине от неё. Рядом положил

чистый лист. Потом сел так, чтобы пламя было прямо перед глазами, а маятник оставался сбоку.

Вчера странность приходила, когда он долго смотрел. Это могло ничего не значить. Проверить можно было только одним способом.

— Ну давай, — тихо сказал Даня.

Он начал считать движения маятника.

Десять. Двадцать. Тридцать.

На тридцать шестом захотелось моргнуть и посмотреть в сторону. Даня удержал взгляд. На сороковом или сорок первом — он потом не смог решить — пламя исчезло на крошечную долю секунды и оказалось чуть левее. Маятник в тот же миг задержался у правого края.

В затылок вошла тупая боль. Не постепенно: секунду назад её не было, а теперь она уже сидела за глазами и давила изнутри. В ушах протянулся тонкий звон.

Даня откинулся от стола.

На бумагу упала тёмная капля. Потом вторая.

Он провёл пальцем под носом и увидел кровь.

— Вот это уже...

Фразу пришлось бросить. Звон усилился, и на несколько секунд стало трудно понять, идёт ли маятник или только качается перед глазами. Даня зажал нос платком и сел ниже, уперев локти в колени.

В дверь постучали. Даня не ответил. Игнат постучал ещё раз и вошёл с чайным подносом. Он посмотрел сначала на

кровь, потом на свечу и часы.

— Сядьте, барин.

Даня послушался. Игнат поставил поднос и вышел. Через полминуты вернулся с тазом, холодной мокрой тряпкой и чистой рубахой. Тряпку положил рядом с Даниной рукой, рубаху — на спинку кресла.

— Ты спросить ничего не хочешь?

Игнат вытер каплю крови с края стола.

— Нет.

— Почему?

— Кровь вижу. Остальное вы всё равно расскажете, коли надо.

Даня прижал холодную ткань к лицу. Это было неприятно разумно.

— Перед смертью батюшки ты свечи видел.

— Видел.

— Часы?

Игнат посмотрел на маятник.

— На покойника смотрел.

Тот же ответ, что вчера. Даня кивнул и не стал вытягивать из него свидетеля для удобной теории.

Когда кровь остановилась, он записал время опыта, примерно сорок движений маятника, рывок пламени, пропущенный такт, боль и звон. Рядом с последними двумя словами поставил вопросительный знак.



Утром следующего дня голова почти не болела. Даня осторожно наклонился, повернул голову вправо-влево и убедился, что звон тоже исчез. Через минуту на столе уже стоял стакан воды. Часы поставил рядом, свечу убрал совсем. Если дело было только в огне, вода должна была остаться водой. Если в его внимании — что-нибудь могло повториться.

Он заранее решил остановиться на сорока движениях.

До сорока не дошло.

На двадцать восьмом по воде прошёл круг. Маятник не остановился, но следующий тик запоздал. Даня успел отметить это про себя, и в ту же секунду боль ударила сильнее вчерашней. Звон в ушах стал низким, почти гулом. Стакан коротко звякнул.

Трещина пошла от края вниз. Даня отдёргнул лист, прежде чем вода хлынула по столу. Стакан распался на три больших куса; один скользнул почти до чернильницы.

Даня встал слишком быстро и ухватился за край стола. Пальцы дрожали. На этот раз крови не было, зато комната на пару секунд ушла в сторону и вернулась не сразу.

Игнат появился в дверях, увидел мокрый стол и осколки.

— Руки.

— Не порезался.

Игнат протянул ладонь. Даня, не споря, показал обе руки.

Лакей проверил пальцы и только потом принялся собирать стекло.

— Вода сама пошла кругами, — сказал Даня. — И часы опять опоздали.

— Вижу часы.

— А воду не видел.

— Не видел.

Игнат завернул осколки в тряпку. Никакого объяснения не предложил.

Даня дождался, пока дверь за ним закроется, и вернулся к листу. Возле второй попытки написал только факты. Потом провёл черту под двумя опытами.

Первый отклик пришлось ждать около сорока ударов. Второй пришёл раньше и ударил сильнее. Это ещё не было правилом, но третью попытку Даня отложил.

На столе остался светлый мокрый круг. Рядом бронзовый маятник снова ходил совершенно ровно. Даня положил ладонь на сухой край стола и увидел, как мелко дрожат пальцы.



ГЛАВА 5. ДЕНЬГИ

Главный управляющий приехал с шестью книгами отчётов и лицом человека, который рассчитывал объяснить всё за четверть часа. Через два часа уверенности на этом лице заметно убавилось.

Даня сидел за столом покойного графа, держал палец на одной строке и смотрел на цифры.

— Здесь не сходится.

Управляющий наклонился.

— Позвольте, ваше сиятельство, где именно?

— Вот приход. Вот расход. Вот остаток. Если сложить первые два и вычесть третий, получается другое число.

— Это, вероятно, перенос из прошлой книги.

— Я посмотрел прошлую.

Управляющий замолчал. Даня повернул к нему вторую книгу.

— И здесь.

— Там особое обстоятельство.

— Какое?

— По мельнице были чрезвычайные расходы.

— Я знаю. Они здесь записаны два раза.

Управляющий потянулся к книге, но Даня придержал её ладонью. Ещё через двадцать минут нашлось третье место: в одном отчёте деревня заплатила оброк полностью, а в дру-

гом по той же деревне числилась крупная недоимка. Деньги одновременно были и не были.

Он придвинул обе книги.

— Объясните.

Управляющий поправил воротник.

— Ваше сиятельство, дела вашего батюшки весьма обширны. При таком количестве имений неизбежны...

— Ошибки?

— Несовпадения.

— Три за два часа.

— При вашем внимании, вероятно, найдутся ещё.

Ответ был почти честный.

— Кто ведёт книги?

— На местах — приказчики. Здесь всё сводится.

— Вами?

— Под моим наблюдением.

— Тогда давайте ещё.

Управляющий впервые посмотрел на дверь.

К вечеру на столе торчало восемь бумажных закладок. Две ошибки оказались обычной путаницей, одна — старой записью, которую уже исправили. В трёх местах деньги исчезали слишком аккуратно; ещё два Даня пока не понял. Управляющий сидел напротив и всё чаще пил воду.

— Давно так ведутся счета?

— Ваш покойный батюшка доверял людям.

— Это не ответ.

— Много лет, ваше сиятельство.

— Сколько украли?

— Я не могу...

— Примерно.

— Не могу сказать.

— Не хотите или не можете?

Управляющий посмотрел на него впервые без служебной улыбки.

— При таком числе имений точной суммы никто не назовёт, ваше сиятельство.

— Вы брали?

Лицо управляющего стало серым.

— Ваш покойный батюшка знал, как содержится служба.

— Это да или нет?

— Это порядок, который существовал до вашего вступления в наследство.

— И сколько стоил этот порядок?

— По каждому месту было по-разному. Я могу поднять ведомости.

Даня ждал. Управляющий поправил край книги и больше ничего не добавил.

Управляющий встал.

— Я служил вашему батюшке двадцать два года.

— Сядьте.

Тот сел. Даня постучал пальцем по книге.

— Я не понимаю пока, что здесь нормально, а что нет. По-

этому никого сегодня не увольняю. И никого не прощаю. С завтрашнего дня каждую сумму проверяет второй человек.

— Это замедлит дела.

Даня посмотрел на восемь закладок.

— Пусть замедлит. Два счёта. Два человека. Один проверяет другого.

Управляющий медленно поклонился.

— Как изволите.

После его ухода Даня не стал ничего записывать. Шесть толстых книг и восемь закладок и без того достаточно ясно объясняли, чем именно он теперь владел.



Через неделю выяснилось, что книги были только половиной дела.

Первым пришёл мужчина с рекомендацией от знакомого покойного графа: нужны были деньги на ремонт храма. Даня дал. Второй просил на приданое дочери дальнего родственника — Даня дал меньше. Потом пришли за лечением, за учёбой сына и опять на храм.

— Какой? — спросил Даня у последнего.

Проситель назвал приход.

— Мне три дня назад уже приносили просьбу на этот храм.

Мужчина не моргнул.

— Строение велико, ваше сиятельство.

— Настолько велико, что собирает деньги через разные двери?

— Благочестивые дела имеют многих друзей.

Даня позвал Игната.

— Этот храм существует?

Игнат посмотрел на просителя.

— Существует.

Мужчина расправил плечи.

— Ремонт нужен?

— Крыша новая.

Плечи опустились.

— Когда сделали?

— Весной.

Даня вернул бумагу.

— Следующий.

— Ваше сиятельство, я...

— Крыша новая.

— Но внутреннее украшение...

— Следующий.

После этого Даня велел при новых просьбах записывать не только сумму. Для храма — приход и что именно чинят; для приданого — имя семьи; для болезни — имя доктора; для пожара — кто его видел. Это не прекратило поток, но довольно быстро обнаружило повторяющиеся фамилии рекомендателей и одинаковые обороты в письмах. У двух со-

вершенно разных «бедных вдов» оказался один почерк.

Восемь просителей подряд ушли без денег. На девятом отказ дался легче, на десятом — уже слишком легко.

Одиннадцатым пришёл Кузьма.

Не господин. Мужик лет сорока, в чистой, но старой рубахе, с шапкой в руках. Его пропустили потому, что он привёз бумагу от приказчика одного из ближних имений.

— Чего тебе? — спросил Даня.

— Лошадь пала, барин.

— И?

— Оброк везти нечем. Поле пахать нечем.

— Сколько нужно?

Кузьма назвал сумму. Небольшую по сравнению с тем, что Даня уже раздал.

— Кто подтвердит?

— Староста.

— Бумага есть?

Кузьма протянул сложенный лист. Написано было плохо, печать размазана, внизу стоял крест.

— Почему приказчик сам не решил?

Кузьма помял шапку.

— Сказал, чтоб платил как положено.

— А ты сразу ко мне?

— Сюда велели.

Кто именно велел, он объяснил путано: писарь, знакомый дворового, кто-то ещё. После двух липовых писем за это

утро Даня услышал в этой путанице уже знакомую схему.

— Я проверю.

Кузьма постоял.

— Барин, пахать надо.

— Я сказал, проверю.

— До проверки земля не ждёт.

Даня устал.

— Тогда займи у старосты.

Кузьма поднял глаза.

— У него просил.

— И?

— Не дал.

Даня уже смотрел на следующую бумагу.

— Я разберусь.

Кузьма надел шапку.

— Ясно, барин.

Через пять минут принесли новое письмо, потом пришёл купец, потом управляющий потребовал подписи. Бумага Кузьмы постепенно ушла под другие.



В подмосковное имение Даня поехал через три недели, взяв управляющего, двух приказчиков и Игната.

Первые полчаса всё ещё удавалось раскладывать по знакомой логике. Плохая дорога означала дорогую перевозку.

Старый мост — будущий ремонт. По полям можно было спросить урожай, по дворам — оброк и недоимку. Даня спрашивал, приказчик отвечал быстро, пока дело не дошло до недоимки.

— Почему?

Тут ответы стали длиннее: плохая весна, болезни, пьянство, лень, нерадение. Любое объяснение заканчивалось на крестьянах.

Даня сошёл с дороги.

— Куда вы, ваше сиятельство? — спросил управляющий.

— Во дворы.

— Там смотреть особенно нечего.

— Вот и посмотрим.

Первый двор оказался пустым. Во втором женщина стирала у корыта, в третьем старик чинил колесо. Возле четвёртого сарая лежала корова. Даня сначала решил, что она спит, а потом увидел неподвижный бок.

Рядом стоял мальчик лет восьми с пустым ведром.

— Что случилось?

Мальчик попятился. Из дома вышла женщина, увидела Даню, приказчика и управляющего и быстро вытерла руки о передник.

— Барин.

— Корова ваша?

— Наша.

— Давно?

— Ночью пала.

Приказчик вмешался:

— Скотина у них слабая была, ваше сиятельство. Я говорил...

Женщина посмотрела на него. Он замолчал.

— Другая есть? — спросил Даня.

— Нет.

— Деньги на другую?

Женщина опустила глаза.

Приказчик за спиной уже набрал воздух, но Даня повернулся к ней:

— Долги есть?

Она назвала сумму.

— Запишите, — сказал Даня управляющему.

— Что именно?

— Корова. Долги. Сколько детей.

Игнат, стоявший чуть сзади, уже достал карандаш.

— Трое.

— Четверо, батюшка, — поправила женщина. — Малая в избе.

Игнат зачеркнул число и написал другое.

— Купите им корову, — сказал Даня.

Управляющий сразу нахмурился.

— Ваше сиятельство, если каждому...

— Я сказал — им. С остальными сначала разберёмся.

На обратной дороге Даня открыл тетрадь. Напротив этой

деревни стояли аккуратные слова: урожай, оброк, недоимка. Он посмотрел на них, вспомнил пустое ведро у сарая и закрыл тетрадь.

До следующего двора они не дошли.

Кузьма нашёл Даню сам.

Он стоял у развилки возле старого плуга, без шапки, будто ждал не графа, а дождя. Рядом тянулся пустой хомут. Лошади не было.

Даня узнал его не сразу. Потом увидел бумагу, торчащую из-за пояса, и вспомнил кабинет, одиннадцатого просителя и фразу про землю, которая не ждёт.

— Кузьма?

— Ясно, барин.

Это не было ответом, но Даня уже понял.

— Ты отсюда?

— Отсюда.

Приказчик, ехавший позади, заметно выпрямился в седле.

Даня посмотрел на пустой хомут.

— Лошадь так и не купил?

Кузьма посмотрел на хомут, будто проверяя, не появилась ли она за время разговора.

— Не купил.

— Деньги?

— Не дали.

— Кто?

— Никто.

Даня медленно повернулся к приказчику.

— Бумага от него была у вас?

— Ваше сиятельство, таких прошений множество. Я полагал, что вопрос уже...

— Я спрашиваю: бумага была?

— Была.

— И вы отправили его ко мне.

— Он сам желал обратиться непосредственно.

Кузьма покачал головой.

— Сюда велели.

Приказчик быстро посмотрел на него.

— Тебе объясняли порядок.

— Объясняли.

— Какой?

Кузьма подумал.

— Платить.

Даня закрыл глаза на секунду.

Бумага Кузьмы лежала где-то в московской стопке, если её уже не переписали в другую ведомость. Три недели назад Даня был уверен, что делает всё правильно: проверка вместо доверчивости, факты вместо жалости, второй человек на каждую сумму. И ровно в тот момент, когда перед ним оказался человек с настоящей бедой, новая защита сработала идеально — против него.

— Покажи хозяйство.

Приказчик начал:

— Ваше сиятельство, впереди ещё два двора и мельница...

— Подождут.

Кузьма надел шапку и пошёл первым.

Его двор стоял чуть в стороне от деревенской улицы. Забор был чиненный разными досками; одна створка ворот держалась на верёвке. Под навесом лежали сохи и сломанная тележная ось. В углу двора стояла Аксинья — Даня тогда ещё не знал её имени — и вытряхивала из мешка последние овсяные отруби в деревянную лохань. Рядом мальчик держал девочку за рукав, чтобы та не лезла под ноги.

Женщина увидела людей и сразу перестала трясти мешок.

— Барин.

Кузьма указал на Даню.

— Сам приехал.

— Вижу.

Даня спешил.

— Я задержал его прошение.

Аксинья посмотрела на мужа.

— Теперь знаю.

Кузьма снял шапку.

— Я не говорил, что задержали.

— А что говорил?

— Что проверяют.

Аксинья снова посмотрела на Даню.

— Проверили?

Вопрос был простой и неприятный.

— Нет.

— Тогда чего приехали?

Приказчик кашлянул.

— Аксинья, перед его сиятельством...

Даня поднял руку.

— Пусть говорит.

Она пожала плечами.

— Я и говорю.

Кузьма поставил шапку на колено.

— Лошадь пала. Это правда.

— Я вижу.

— Поле не допахано.

— Тоже вижу.

Он повёл Даню за сарай. За огородом начиналась полоска земли. Одна часть была вспахана; дальше борозды обрывались ровной линией. Плуг стоял у края, в земле торчал железный нос.

— Сколько осталось?

Кузьма прикинул взглядом.

— Дня на два с хорошей лошастью.

— А без неё?

— Руками не вспашешь.

— У соседей занять?

— Брали на день. Им самим надо.

— У старосты?

Кузьма посмотрел на Даню тем же взглядом, что в кабине.

— Просил.

— Не дал.

— Не дал.

Игнат стоял чуть поодаль и ничего не записывал. Управляющий открыл рот, но Даня повернулся к нему раньше.

— Где ближайшая лошадь на продажу?

— Ваше сиятельство, это можно устроить через контору. Сначала следует определить стоимость, потом сделать запись, затем...

— Где?

Управляющий назвал соседнее село.

— Далеко?

— Восемь вёрст.

Даня посмотрел на солнце.

— Едем.

Кузьма нахмурился.

— Куда?

— За лошадьё.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Поле тут.

— Лошадь там.

Кузьма подумал и кивнул.

— Ясно.



На продажу оказалось три лошади.

Первую приказчик сразу назвал лучшей, что уже было плохим признаком. Она была крупная, ухоженная и слишком дорогая для крестьянского двора. Вторая хромала после нескольких кругов. Третья — небольшая гнедая кобыла — выглядела так, будто всю жизнь занималась именно тем, что от неё собирались требовать: пахала, тянула телегу, ждала.

Хозяин двора подробно объяснял достоинства первой.

Даня слушал минуту, потом повернулся к Кузьме.

— Какую?

Кузьма подошёл к гнедой. Провёл ладонью по ноге, посмотрел зубы, попросил пройти. Хозяин недовольно сообщил, что графу незачем самому заниматься такой мелочью.

— Я не занимаюсь, — сказал Даня. — Он занимается.

Кузьма вернулся.

— Эту.

— Почему?

— Тихая. Нога целая. Спина не битая.

Хозяин сразу заговорил о возрасте.

Кузьма повернулся к нему.

— Сколько?

Названная цена была выше той суммы, которую он просил в Москве.

— Ты просил меньше, — сказал Даня.

— Я старую хотел.

— Эта лучше.

— Дороже.

— Вижу.

— Тогда зачем?

Вопрос прозвучал почти как возражение против неразумной покупки хозяина.

Даня вдруг понял, что если просто заплатит, Кузьма получит не только лошадь. Приказчик запишет подарок. Управляющий проведёт сумму. Через год другой человек покажет эту строку как пример графской щедрости или графской расточительности. Возможно, с крестьянина ещё и попытаются взять больше оброка: раз получил помощь, значит, может.

Он посмотрел на управляющего.

— Как оформить, чтобы это не стало новым долгом Кузьмы?

Тот ответил не сразу.

— Можно провести как пособие от владельца.

— Тогда кто решит, что с него потом надо вернуть?

— Никто не должен...

— Кто может?

Управляющий нахмурился.

— При дурном исполнении — приказчик.

Приказчик покраснел.

— Я никогда...

— Я не про вас лично.

Это была почти правда. Даня уже научился не путать человека с лазейкой, которой тот может воспользоваться.

— Можно записать как замену павшей тягловой скотины при подтверждённом ущербе, — сказал управляющий. — Тогда сумма относится на хозяйственную помощь по имени.

— И не считается долгом?

— Если так и указать — нет.

Даня посмотрел на Кузьму.

— Подойдёт?

Кузьма пожал плечами.

— Лошадь подойдёт.

— Я про бумагу.

— Бумага пахать не будет.

Игнат отвернулся, пряча лицо.

Даня тоже не удержался.

— Ладно. Берём лошадь. А бумагу я всё-таки сделаю.

Цена после торга снизилась немного. Торговался не Даня. Кузьма молчал до тех пор, пока хозяин двора не назвал число во второй раз, потом ткнул пальцем в старый рубец на боку кобылы и спросил, откуда тот. Цена снизилась ещё.

На обратной дороге Кузьма шёл рядом с лошадыю пешком.

— Садись, — сказал Даня.

— На ней домой ехать?

— А зачем мы её купили?

— Пахать.

— Она выдержит восемь вёрст.

Кузьма посмотрел на кобылу.

— Выдержит.

И продолжил идти.

Даня не стал спорить.



К двору вернулись уже в сумерках. Дети выбежали первыми. Мальчик остановился в двух шагах от кобылы, будто боялся, что та исчезнет, если подойти слишком быстро. Девочка потянулась к морде и сразу получила от матери по руке.

— Не лезь.

Кузьма передал повод мальчику.

— Держи. Не наматывай на руку.

— Наша?

— Пока да.

— Почему «пока»? — спросил Даня.

Кузьма посмотрел на него.

— Всё пока.

Фраза могла бы прозвучать как народная мудрость. У Кузьмы она прозвучала как сообщение о погоде.

Аксинья подошла ближе, осмотрела кобылу, потом Даню.

— Сколько должны?

— Нисколько.

Она нахмурилась.

— Так не бывает.

— Сегодня бывает.

— Потом в оброк поставят.

— Не поставят.

— Откуда знаете?

Даня показал на управляющего.

— Потому что сейчас при мне запишут.

Управляющий достал дорожную книжку. Даня заставил его вслух прочитать формулировку: тяговая лошадь взамен павшей, хозяйственная помощь, без взыскания с двора и без прибавки к оброку.

Аксинья слушала, не перебивая.

— Крест поставите? — спросил управляющий у Кузьмы.

Тот взял перо.

— Поставлю.

— Читать умеешь? — спросил Даня.

— По складам.

— Тогда сначала прочитай.

Кузьма посмотрел на бумагу. Медленно, губами, разобрал несколько слов. На «без взыскания» остановился.

— Это чего?

Управляющий объяснил.

Кузьма перечитал строку ещё раз, потом поставил крест.

Даня смотрел и чувствовал себя хуже, чем если бы кре-

стьянин просто поблагодарил. Три недели назад он принял путаную речь за признак обмана. Теперь человек, которого он почти записал в мошенники, заставлял его собственную контору говорить понятнее.

— Кузьма.

— Барин?

— В следующий раз, если тебя отправят ко мне и бумага пропадёт, не жди три недели.

— А что делать?

Даня хотел сказать «жаловаться». Представил Кузьму, который приезжает в Москву жаловаться графу на то, что граф не ответил на его же просьбу, и понял слабое место.

— Скажи Игнату.

Игнат поднял голову.

— Мне?

— Тебе.

— Я при вас.

— Значит, доберётся до того, кто при мне.

Управляющий кашлянул.

— Ваше сиятельство, нельзя каждое прошение вести через личных слуг.

— Не каждое. Только то, которое уже потеряли.

Он посмотрел на Кузьму.

— Понял?

— Ясно.

Аксинья наконец коснулась кобылы по шее.

— Спасибо, — сказала она.

Кузьма посмотрел на неё, потом на Даню.

— Лошадь хорошая.

На выезде из деревни Даня достал тетрадь. Хотел записать правило про ложные срабатывания: после серии обманов честная просьба выглядит как следующий обман. Формулировка получалась слишком удобной.

Он закрыл тетрадь.

Вместо правила велел Игнату найти в московской пачке бумагу Кузьмы и положить её сверху.

— Зачем, если сделали? — спросил Игнат.

— Чтобы помнить, что я её не сделал.

Игнат кивнул.

На этот раз Даня не стал считать кивок подтверждением своей правоты.



К осени для писем пришлось выделить отдельный стол. В прихожей ждали просители, у кабинета — управляющие, родственники присылали записки, чиновники требовали бумаги. Почти каждый человек, узнавший о новом графе Безухове, находил причину написать.

Деньги пугали Даню меньше, чем последствия подписи. Он ставил имя на листе — и где-то, чего он не видел, нанимали человека, увольняли другого, собирали больше обро-

ка, чинили мост или откладывали ремонт. Иногда во дворе у незнакомой семьи появлялась корова.

Он уже узнавал это ощущение: чем больше решений проходило через него, тем сильнее мир отзывался на само его положение. Не цифрой, не меню — вниманием людей, скоростью исполнения, дверями, которые открывались прежде, чем он успевал к ним подойти.

Вес.

Записывать слово он не стал.

В один из вечеров Даня разбирал старые бумаги отца. Не счета — письма, заметки, распоряжения десятилетней давности. Большинство ничего ему не говорило.

Одно письмо было из Киевской губернии. Управляющий далёкого имения писал о лесных работах, границах сенокоса и споре с соседями. Внизу, другим почерком, стояла короткая пометка:

Поляна — не рубить.

И ниже:

Не трогать до моего приезда.

Подпись графа Кирилла.

Даня перечитал распоряжение. Можно было решить, что отец любил эту поляну, собирался там что-то строить или просто не хотел рубить лес. Он положил письмо к левому краю стола, потом всё-таки убрал в ящик, где хранил бумаги, к которым хотел вернуться.

Через минуту Игнат принёс ещё две пачки счетов.

— Это что?

— За август.

— Я август уже видел.

— Московский.

— А это?

— Имена.

Даня посмотрел на две пачки.

— Все?

Игнат поставил сверху ещё один тонкий конверт.

— Начало.

Даня снял очки. Без них счета превратились в приятные белые пятна.

Он посидел так немного и надел очки обратно.

ГЛАВА 6. ЛЫСЫЕ ГОРЫ

Решение ехать к Болконским Даня принял ночью, после трёх дней, за которые успел придумать себе десяток причин не вмешиваться.

Лизу он помнил плохо: маленькая княгиня, беременность, роды, смерть; Андрей возвращается и видит её лицо. Кажется, там ещё было выражение упрёка. Или это экранизация, пересказ, чужое видео перед экзаменом. Но сама смерть в памяти сидела твёрдо, рядом с Бородином и пожаром Москвы.

Даня открыл конспект, увидел возле имени Лизы своё прежнее «ТОЧНО» и долго смотрел на слово. Потом представил женщину, которая ещё ничего об этом не знает, закрыл тетрадь и утром велел готовить карету.

Игнат спросил, далеко ли ехать, и, услышав «Лысые Горы», только уточнил:

— Без письма?

— Да.

Лакей посмотрел на приготовленный сундук.

— На сколько дней?

— Не знаю.

— Положу на неделю.

Игнат уже повернулся к двери, потом кивнул на бронзовые часы с маятником.

— Эти братья?

Даня посмотрел на часы. После двух последних опытов ему не хотелось оставлять единственную вещь, которая могла проверить его собственные глаза.

— Бери. Если в дороге останутся — не заводи.

— Добро.

Он ушёл собирать вещи.

Дорога заняла дольше, чем хотелось. В карете Даня перечитал короткую страницу про Болконских. Про Андрея там были война и Аустерлиц, про Марию — вера, про старого князя — почему-то вопросительный знак возле слова «математика». Про Лизу — одна строка, которую он теперь уже не мог читать как школьную справку.

Внизу Даня написал только: **не говорить, откуда знаю.**

Лысые Горы встретили его геометрией.

Прямая дорога. Подстриженные деревья. Дом, стоящий так, будто его вычертили линейкой. Люди двигались по двору без суеты и всё равно быстро. Даже собака у крыльца лежала параллельно ступеням.

— Здесь порядок, — сказал Даня.

Игнат ничего не ответил; он уже смотрел, куда отнести вещи и кому передать поводья.

Их встретил старый слуга и после короткого обмена именами исчез.

Вернулся через минуту.

— Его сиятельство изволили спросить, приглашали ли

графа Безухова.

— Нет.

Слуга кивнул и снова ушёл.

— Хорошее начало, — сказал Даня.

Игнат осмотрел его сапоги.

— Чистые.

— Спасибо.

Слуга вернулся.

— Его сиятельство изволили сказать: раз приехал, пусть входит. Пять минут.

Кабинет старого князя оказался почти пустым по меркам богатого дома. Стол. Чертежи. Книги. Инструменты. Часы. Всё на месте.

Сам Николай Андреевич Болконский был меньше, чем Даня ожидал, и гораздо опаснее. Сухой старик с резкими движениями и глазами человека, который давно пришёл к выводу, что большинство окружающих глупы, и ежедневно получает новые доказательства.

Он не предложил сесть.

— Безухов.

— Ваше сиятельство.

— Я вас узнал. Зачем приехали?

У Дани исчезла приготовленная фраза.

— Повидать Андрея.

— Он ещё здесь.

— Я знаю.

Старик прищурился.

— Откуда?

— То есть... предполагал.

— Предполагал. Хм. Дальше.

— И княгиню Лизу.

— Беременна, а не больна чумой. Видеть можно.

— Я не...

— Что?

— Ничего.

Старый князь впервые посмотрел на него с интересом.

— Вы, кажется, потолстели.

Даня моргнул.

— Возможно.

— И тише. Раньше входили в комнату, как шкаф падает.

— Смерть отца многое изменила.

Князь постучал пальцем по столу.

— Удобный ответ. Годится на всё.

Даня ничего не сказал.

— Пять минут кончились, — объявил князь. — Но раз уж приехали, пообедайте. Маша вас увидит. Андрей будет после двух. И не ходите у меня без дела.

— Извольте.

Старик скривился.

— Мне вы не камердинер. Скажите просто: приду.

— Приду.

— Хм. Идите.

Даня вышел.

Игнат ждал в коридоре.

— Ну? — спросил Даня.

— Комнату показали.

— Я тоже жив, спасибо.

Игнат принял это к сведению и поправил ремень на дорожной сумке.

Княжну Марью Даня встретил в маленькой гостиной.

Он узнал её не по красоте — школьные пересказы настойчиво сообщали, что она некрасива, — а по глазам. Большие, внимательные, совершенно неподходящие человеку, который хотел бы спрятаться.

Марья встала.

— Пётр Кириллович. Я соболезную вам.

— Благодарю.

Он поклонился. На этот раз вовремя.

— Отец сказал, вы приехали без предупреждения.

— Да. Простите.

— Не мне надо прощать.

Она помолчала.

— Но я рада, что вы приехали.

— Правда?

— Андрей мало кого хочет видеть перед отъездом.

— Значит, я выбрал удачный момент.

— Возможно.

Марья указала на кресло.

— Вы устали. Садитесь.

Даня сел.

Разговор не клеился. И странным образом это было приятно. Марья не пыталась заполнить каждую паузу. Не задавала вопросов о наследстве. Не намекала на Петербург. Через минуту просто придвинула чай.

— Вы давно в дороге.

— Да.

— Игнат сказал, вы почти не ели.

Даня посмотрел на дверь.

— Он сдаёт меня всем подряд.

Марья чуть улыбнулась.

— Он принёс ваши вещи. Это не то же самое.

— У него всё не то же самое.

Она снова помолчала.

— Вы изменились.

Даня напрягся.

— Все это говорят.

— Тогда, наверное, есть причина.

— Вы знали меня хорошо?

— Нет. Но вы прежде говорили больше.

— Это плохо?

Марья подумала, прежде чем ответить:

— Не знаю.

Она снова занялась чаем, и вопрос так и остался без вывода.

Дверь открылась без стука.

— Pierre!

Лиза Болконская вошла быстро, насколько позволял живот, и сразу заполнила комнату движением.

Маленькая. Красивая. Верхняя губа чуть короткая, отчего выражение лица всё время казалось живее, чем положено. Она была очень беременна и совершенно не походила на запись «умирает в родах».

— Mon Dieu, вы правда приехали! Андрей говорил, что после наследства вас утащат в Петербург и мы увидим вас только тогда, когда вы станете важным и скучным.

— Я стараюсь не стать.

— Важным или скучным?

— Оба варианта пугают.

Лиза рассмеялась и села рядом с Марьей.

— Посмотрите на него. Он действительно другой. Марья, ты видишь? Раньше он говорил прежде, чем успевал сесть.

Даня чуть не подавился чаем.

— А теперь?

— Теперь хотя бы садитесь сначала.

Марья перевела взгляд на него.

Даня поставил чашку.

— Привычка.

— Ужасная привычка для гостя, — сказала Лиза. — Он только пришёл и уже хочет сбежать. Андре будет доволен.

Она поправила ленту на платье. Даня смотрел на неё

слишком долго, и Лиза это заметила.

— Что?

— Ничего.

— Нет, вы смотрите так, словно я должна что-то вспомнить.

Ты должна умереть.

— Я просто... хотел спросить, как проходит беременность.

Лиза округлила глаза.

— Пьер!

Марья опустила взгляд в чашку.

— Что?

— Ах, Пьер, разве об этом спрашивают даму так прямо?

— А как?

— Никак. По крайней мере, не за чаем.

— Простите.

Лиза уже смеялась.

— Ах, не извиняйтесь. Лучше вы, чем доктор. Доктора всегда спрашивают таким лицом, будто заранее недовольны ответом. Я совершенно здорова. Только стала ужасно толста и дурна собой, и мне всё время хочется апельсинов.

— Лиза.

— Марья, не защищай его. Он сам спросил.

Даня улыбнулся.

— Доктор есть?

— Разумеется.

— Какой?

— Наш.

— Это имя?

Лиза засмеялась снова.

Марья сказала:

— Отец доверяет местному врачу. Он служит здесь давно.

— А акушер?

Лиза перестала смеяться и машинально разгладила складку на платье.

— Зачем?

Даня услышал перемену в голосе и сразу пожалел о прямоте вопроса.

— На всякий случай.

— До родов ещё время.

— Я знаю.

— Откуда?

— Все знают примерно...

— Мужчины о родах знают ровно столько, сколько им расскажут, — отрезала Лиза и тут же вернула лёгкость: — Кроме того, Андре убеждён, что к тому времени война уже закончится, Наполеон раскается и лично пришлёт нам лучшего врача Франции.

— Я ничего подобного не говорил.

Андрей Болконский стоял в дверях.

При виде Андрея лицо Пьера само разошлось в улыбке прежде, чем Даня успел решить, рад он встрече или насторо-

жен. Это ощущение снова напомнило: тело знало этого человека дольше, чем он сам.

— Ты приехал, — сказал Андрей.

— Как видишь.

— Вижу. Поэтому и говорю.

Он подошёл и обнял Пьера коротко, без церемонии.

Лиза подняла палец.

— Он приехал проверять мою беременность.

Андрей посмотрел на Даню.

— Уже успел?

— Не так сформулировано.

— Пьер спросил про акушера, — добавила Марья.

Андрей снял перчатки.

— Зачем?

Испуга в голосе не было. Андрей просто ждал ответа.

— Потому что местный врач может быть хорошим врачом, но роды — отдельное дело.

Андрей положил перчатки на стол.

— Ты стал специалистом?

— Нет.

— Тогда кто стал?

Даня помолчал.

— Есть доктор в Москве. Ланге. Немец. Его мне рекомендовали.

Это была полуправда. Даня заранее велел управляющему найти акушера с хорошей репутацией и получил три имени.

Ланге оказался самым дорогим и самым неудобным в общении. Даня решил, что это хороший признак.

— Рекомендовали для кого? — спросил Андрей.

— Для... семей моих людей.

Андрей сел напротив.

— Тогда скажи, чего ты хочешь.

— Чтобы он приехал сюда ближе к сроку.

— Нет.

Лиза открыла рот, но Андрей продолжил прежде неё:

— Ты являешься без приглашения, пугаешь Лизу вопросами и уже выбрал врача. Сначала объясни зачем.

— Согласен. Со стороны выглядит плохо.

— Со стороны?

— И изнутри тоже. Но врач всё равно нужен.

Андрей посмотрел на него внимательнее.

— Вот это я и хочу понять.

Лиза переводила взгляд с одного на другого.

— Андре, если немец действительно хорош...

— Я узнаю.

— Вот и всё, — сказала Лиза и заметно выдохнула.

Андрей отвернулся к окну.

— Пойдём, — сказал он Дане. — Отец скоро обедает. До него у нас четверть часа.

В кабинете Андрея было меньше порядка, чем у старого князя, но больше войны. Карты. Письма. Мундир на спинке кресла. Сапоги у стены.

Андрей закрыл дверь.

— Теперь без Лизы. Зачем ты приехал?

— Я сказал.

— Нет.

— Повидать тебя.

— Пьер.

Андрей больше ничего не добавил. Даня перестал искать мягкий ответ.

Он подошёл к карте.

— Ты уезжаешь на войну.

— Это известно всему Петербургу.

— И оставляешь беременную жену.

Андрей стал холоднее.

— Это известно моей семье.

— Я не осуждаю.

— Очень великодушно.

— Андрей.

Тот замолчал.

Даня собрал слова.

— После смерти отца я много думал о вещах, которые можно было сделать раньше. И не сделал.

Андрей смотрел.

— Это про врача?

— Да.

— Плохое объяснение.

— Другого нет.

— Есть. Ты его не говоришь.

Даня сел.

— Допустим.

— Тогда спрошу иначе. Ты считаешь, что Лизе грозит опасность?

— Любые роды опасны.

— Опять уходишь.

— Да.

Андрей прошёл к окну.

— Раньше, когда ты лгал, это было видно сразу. Теперь ты просто не отвечаешь.

Даня снял очки, протёр их платком и снова надел.

— Пусть приедет Ланге.

— Я сначала узнаю, кто он.

— Разумно.

— И если он действительно хорош, приглашу.

Даня поднял голову.

— Правда?

— Ты ожидал драки?

— Немного.

— За врача?

— Здесь люди спорят даже из-за того, как мне держать вилку.

— Ты неправильно держишь вилку.

Даня посмотрел на руку.

Андрей почти улыбнулся.

— Деньги оставь себе. Если врач нужен, я заплачу.

— У меня их слишком много.

— Это не болезнь.

— Пока не уверен.

Андрей сел напротив.

— Смерть отца действительно тебя изменила.

— Ты уже третий человек, который говорит это за неделю.

— Значит, мы все наблюдательны.

— Или я плохо играю старого себя.

Андрей нахмурился. Даня закрыл рот на полуслове.

— Что?

— Ничего.оборот.

— Станный.

— Я теперь коллекционирую странные обороты.

— Заметно.

В дверь постучали. Слуга сообщил об обеде.

За столом старый князь допрашивал Даню о состоянии

так, будто подозревал в краже собственного наследства.

— Сколько дохода?

Даня назвал примерно.

— «Примерно» — это сколько?

Он уточнил.

— Сколько душ?

Даня назвал.

— Сколько долгов?

Вот тут пришлось признаться:

— Не помню точно.

Князь бросил ложку в тарелку.

— Богатейший человек России не знает, кому должен. Великолепно.

— Я разбираюсь.

— Разбирайтесь быстрее. С большими деньгами вокруг вас дураков прибавится. И родственников тоже.

Лиза прыснула в салфетку, Марья опустила глаза, а Андрей продолжал есть.

— Я уже познакомился с родственниками, — сказал Даня.

Старый князь хмыкнул и ткнул вилкой в сторону Андрея.

— А этот в армию собрался. Дома ему, видите ли, тесно.

— Отец.

— Что «отец»? Скажешь, неправда?

— Скажу, что разговор бесполезен.

— Значит, правда.

Лиза вмешалась:

— Пьер привезёт мне немецкого врача.

Князь медленно повернулся к ней.

— Что?

— Не привезёт, — сказал Андрей. — Я проверю и приглашу, если он годится.

— А наш чем плох?

— Ничем.

— Тогда зачем немец?

Даня приготовился.

Старик посмотрел на него.

— Вы придумали?

— Я предложил.

— Почему?

— Потому что акушер лучше обычного врача, когда дело касается родов.

Князь прожевал кусок хлеба, не сводя с Дани глаз.

— Очевидно.

— То есть вы согласны?

— Я согласен с очевидным. С вами ещё не решил.

Он повернулся к Андрею.

— Узнай про немца. Если хорош — пусть едет. Если шарлатан — Безухов оплатит дорогу обратно.

— Оплачу.

Старый князь уже потянулся за хлебом и спросил Андрея о лошадях для дороги.

После обеда Марья догнала Даню в галерее.

— Пётр Кириллович.

Он остановился.

Она остановилась рядом, явно подбирая слова.

— Спасибо за врача.

— Он ещё не приехал.

— Я знаю.

— Андрей сам бы всё сделал.

— Возможно. Но вы заговорили об этом раньше.

Даня хотел сказать, что не подумал. Что списал ответ из

книги, которую она никогда не читала. Что в его тетради жизнь её невестки давно закончена.

Вместо этого спросил:

— Она боится?

Марья посмотрела в сторону комнаты Лизы.

— Иногда.

— Говорит?

— Тогда нет.

Даня вспомнил короткое «зачем?» после вопроса об акушере.

— Понятно.

— Вам?

— Теперь да.

Марья коснулась пальцами его рукава.

— Не смотрите на неё всё время так серьёзно. Она заметит.

— Уже заметила.

— Тогда поздно.

Даня улыбнулся.

Вечером он встретил Лизу в маленькой комнате возле сада. Она сидела у окна и перебирала детские рубашечки.

— Можно?

— Вы уже вошли.

— Это да.

— Садитесь. Только не смотрите на меня как доктор.

Он сел.

Лиза подняла крошечную рубашку.

— Посмотрите. Это вообще законно, чтобы человек был таким маленьким?

— Я не специалист.

— Слава Богу. Специалистов вокруг стало слишком много.

Она сложила рубашку.

— Андре уедет через три дня.

Голос остался лёгким. Руки остановились.

Даня ждал.

— Он всегда хотел ехать, — продолжила Лиза. — Ему здесь тесно. Вы же знаете.

— Наверное.

— Не говорите «наверное». Вы его друг.

— Тогда знаю.

Она взяла следующую рубашку.

— Я на него сержусь. Очень. Ужасно. До завтрака. Потом перестаю, потому что он смотрит своим лицом, и невозможно продолжать.

Даня ничего не сказал.

— Вы тоже молчите, — сказала Лиза.

— Боюсь сказать глупость.

— Попробуйте.

— Ланге приедет.

Лиза замерла.

— Это вы считаете глупым?

— Пока это единственное полезное, что у меня есть.

Она посмотрела на него и ответила не сразу:

— Значит, пусть приезжает.

Потом подняла рубашку:

— А теперь скажите, почему у младенца нужны четыре одинаковые шапочки. Марья утверждает, что нужны. Я подзреваю заговор.

Даня подыграл. Через два дня, когда он собирался уезжать, Андрей проводил его до крыльца.

— Ланге проверили, — сказал он. — Репутация хорошая. Я написал ему.

Даня разжал пальцы на дверной ручке.

— Спасибо.

— Не благодари. Это разумно.

— Ладно.

— И ещё.

Андрей взял его за локоть прежде, чем тот сел в карету.

— Ты приехал ради Лизы. Я до сих пор не понимаю почему. Если есть ещё что-нибудь — скажи мне сейчас, а не после.

Даня выдержал его взгляд.

— Сейчас больше нечего.

Андрей отпустил локоть.

— Хорошо. Тогда пиши, если появится.

Игнат уже сидел в карете.

Даня поднялся на подножку.

Лиза стояла у окна второго этажа. Маленькая фигурка за стеклом. Она увидела его и замахала обеими руками.

Даня махнул в ответ.

Позади неё горели две свечи. Одна на миг дёрнулась, пропустив кусок движения; вторая горела ровно.

Даня перестал махать. Лиза не заметила свечу и продолжала махать.

Он сел в карету. Кучер тронул лошадей, дом медленно поплыл назад и скрылся за поворотом.

Конспект лежал во внутреннем кармане. Даня не достал его.



ГЛАВА 7. КУЗЕНЫ И КАПКАНЫ

Письмо из Петербурга пришло в тот день, когда Даня собирался заняться чем-нибудь простым — например, разобраться, почему с одного имения прислали два отчёта о продаже одного и того же леса.

Игнат вошёл с подносом, положил на стол конверт с казённой печатью и поставил рядом чай.

— Из столицы.

— Если там ещё одно наследство, я отказываюсь.

— Казённое, — сказал Игнат.

Это оказалось хуже наследства.

Даня прочёл бумагу один раз. Потом второй. Потом перевернул, надеясь, что на обороте объяснят, что произошло и зачем это ему.

Не объяснили.

— Камер-юнкер, — сказал он.

Игнат поправил сахарницу.

— Стало быть.

— Что это вообще значит?

Игнат посмотрел на него.

— При дворе служить.

— Я понял слова. Я не понял смысл.

— В Петербург ехать.

— А если не ехать?

Игнат налил чай и спросил:

— Лошадей к вечеру готовить?

Даня снова посмотрел на бумагу. Последние недели мир не запрещал ему поступки напрямую, но всё чаще сужал выбор. От Василия после смерти отца он уехал по-своему. В Лысые Горы отправился сам. В счета полез без приглашения. А здесь лежал чин, печать и дорога в Петербург, которую отказ превратил бы в отдельный скандал.

В конспекте Даня поставил возле строки о камер-юнкере один вопросительный знак и больше ничего.

— На сколько собираться? — спросил он.

— Вы говорите — на несколько дней, — ответил Игнат.
— Я положу зимнее.

Даня спорить не стал.



Петербург встретил сыростью и камнем. Князь Василий Курагин появился в доме Безухова уже на следующее утро, когда Даня ещё не успел решить, чьи портреты смотрят на него со стен и можно ли попросить снять половину.

— Mon cher, наконец-то.

Василий вошёл так, будто дом принадлежал ему ровно настолько, насколько требовала дружба семьи. Обнял Даню, отступил, оглядел с головы до ног.

— Москва тебя совсем съела. Ты похудел.

Даня посмотрел на себя.

— Вряд ли.

— Тем хуже. Значит, усталость. Здесь тебе станет легче.

— Я приехал по службе.

— Разумеется. Мы все здесь по службе. Иногда даже служим.

Василий сел, не спрашивая, но сделал это с таким естественным правом родственника, что возразить было бы мелочно.

Даня остался стоять.

— Ты остановишься здесь один?

— Да.

— Зачем же один? У нас комнаты пустуют. Элен скучает, Ипполит скучает, я старею. Ты бы оказал дому услугу.

— Я уже распорядился здесь.

— Тем удобнее. Значит, слуг не придётся тревожить дважды.

Даня уже узнавал эту манеру: князь не спорил с отказом, а просто продолжал разговор так, будто отказ ничего не изменил.

— Сегодня обедай у нас, — продолжил князь. — Ничего большого. Семья. Несколько близких людей.

Даня уже открыл рот.

Василий поднял ладонь.

— Не отвечай сейчас. Ты с дороги. Отдохни. Я пришлю карету к шести.

И ушёл раньше, чем Даня успел превратить «не отвечай» в настоящее «нет».

Игнат появился из соседней комнаты с дорожным сюртуком на руке.

— Карету князь пришлёт к шести, — сказал Даня.

— Парадный фрак приготовить?

Даня помедлил.

— Приготовь.

Игнат кивнул и занялся пуговицей на сюртуке.



После Лысых Гор дом Курагиных казался почти беспорядочным. В прихожей люди сходились, расходились, кого-то задерживали разговором, кого-то сразу проводили дальше. Двое слуг провели Даню через гостиную и оставили у двери ровно в тот момент, когда из неё вышла Элен.

Он знал, что она красивая.

Это было записано в памяти примерно на том же уровне, что «Наполеон низкий» и «Москва горит»: школьное знание, затёртое до отсутствия картинки.

Картинка появилась.

Элен остановилась в дверях. Белые плечи, спокойное лицо, тёмные волосы. Платье не выглядело вызывающим; просто рядом с ней Даня вдруг вспомнил, что школьное слово «красивая» ничего не объясняет.

Он задержал взгляд дольше приличного. Элен заметила.
— Пьер.

— Э... здравствуйте.

Для человека с графским титулом и новым придворным чином получилось не слишком убедительно.

Она протянула руку. На этот раз Даня вспомнил, что делать, и коснулся губами пальцев.

— Москва пошла вам на пользу, — сказала Элен.

— Ваш отец утверждает обратное.

— Отец всегда знает, что для других полезно.

Она прошла мимо.

Даня проводил её взглядом и заставил себя отвернуться. Красота сама по себе ничего не доказывала, хотя помнить об этом рядом с Элен оказалось труднее, чем в Москве.

Ипполит оказался длинным, несколько рассыпанным молодым человеком, который говорил медленнее собственных мыслей и иногда терял их до конца фразы. Про Анатоля сообщили, что тот в отъезде. Куда именно — никто не уточнил, и по лицу Василия Даня решил не спрашивать.

Обед действительно был «семейным», если под семьёй понимать двенадцать человек, двух генералов и даму, которая полчаса рассказывала о чьём-то разводе.

Даню посадили рядом с Элен. Он отметил это про себя только потому, что ожидал чего-то подобного.

Элен ела мало. Говорила ещё меньше. На соседа слева смотрела ровно столько, сколько требовала вежливость. На

Даню — иногда на секунду дольше.

— Вы всё записываете? — спросила она, когда он машинально потянулся к карману, где обычно лежала маленькая книжка.

Рука остановилась.

— Привычка.

— Скверная привычка.

— Почему?

— Люди не любят, когда их записывают.

И вернулась к тарелке. Даня ничего не записал до конца обеда.



На следующий день князь Василий прислал карету, хотя Даня её не просил и свою уже велел подать.

В результате у крыльца стояли две кареты и два кучера смотрели друг на друга с профессиональной неприязнью.

— Князь просил передать, что ваша поедет следом, — сообщил посланный лакей. — Княжна Элен едет в ту же сторону.

Даня посмотрел на Игната.

Игнат посмотрел на лошадей.

— Эти свежее.

— Ты серьёзно?

— Лошадей жалко.

Через пять минут Даня сидел напротив Элен. Второе совпадение за два дня уже было труднее не считать.

Она ничего не сказала о совпадении.

Спросила:

— Вы всегда так сердитесь на кареты?

— Только когда он сам выбирает пассажиров.

Элен повернула голову к окну.

— Кареты редко в этом виноваты.

Даня посмотрел на неё внимательнее. Она не улыбалась.



Третья встреча произошла на балу.

Даня поехал туда на день позже, чем советовал Василий, из чистого упрямства. Потратил на это половину вечера и получил в награду ровно тот же зал, ту же музыку и Элен без кавалера в момент, когда хозяйка дома лично подвела его к ней.

— Граф, вы ведь танцуете?

Даня не успел солгать.

Тело Пьера танцевать умело. Ноги сами нашли первые движения, рука легла правильно, спина вспомнила нужную дистанцию. Даня сосредоточился, чтобы не наступить Элен на платье, и на несколько минут перестал думать о причинах их очередной встречи.

— Вы считаете, — сказала она.

— Что?

— Шаги.

Он сбился.

— Уже нет.

— Жаль. Было занятно.

Вечером Даня поставил в конспекте третью короткую черту. Менять день оказалось бесполезно; в следующий раз он решил поменять само место.



Театр дал четвёртую.

Даня купил место в другой ложе через человека, не связанного с Курагиными. Приехал поздно. Поднялся. Открыл дверь.

В его ложе уже сидела пожилая графиня с внучкой и спорила с распорядителем.

Произошла ошибка с билетами.

Распорядитель вспотел, извинился и повёл Даню в единственное свободное место.

Свободное кресло оказалось рядом с Элен.

Она посмотрела на Даню, потом на кресло.

— Вы настойчивы.

— Это не я.

— Конечно.

— Правда.

— Я вам верю.

По интонации определить это было невозможно. На сцене кто-то страдал на итальянском; Даня обходился без перевода.

Четвёртая встреча уже не казалась забавной. Даня не стал доставать книжку прямо в театре, но счёт держал.



Пятую встречу Даня решил сорвать заранее. В воскресенье Василий между прочим сообщил, где будет семья; Даня выбрал другую церковь, на другом конце района, приехал раньше и встал у дальней стены.

Первые десять минут ничего не происходило, и он уже начал считать опыт удачным.

Потом у входа стало тесно. Кто-то важный приехал неожиданно, людей попросили подвинуться. Даню вместе с ещё несколькими мужчинами мягко вытеснили вперёд и вправо.

Толпа сдвинула его на несколько шагов, и он остановился рядом с Элен. Она повернула голову совершенно спокойно.

Даня на мгновение закрыл глаза. Когда открыл, место рядом с ним всё ещё занимала она.

— Если вы сейчас скажете, что это случайность, — пробормотал он, — я уйду через алтарь.

— Не скажу.

Это было хуже.

После службы они вышли почти одновременно. Даня намеренно замедлил шаг. Элен тоже остановилась у колонны, поправляя перчатку.

Он подошёл сам.

— Можно спросить прямо?

— Попробуйте.

— Вас это не удивляет?

— Что именно?

— Мы всё время оказываемся рядом.

— Петербург не так велик.

— Настолько?

Элен посмотрела на него спокойно.

— Вы уже неделю сердитесь на меня за что-то, чего я не понимаю.

Даня промолчал.

— Что я, по-вашему, сделала?

Вот здесь у него был подготовлен ответ.

Точнее, целая пачка ответов.

Вы выйдете за меня. У вас будет Долохов. Будет дуэль. Мы разойдёмся. Вы часть сюжета, который пытается меня вернуть на рельсы.

Он не сказал ни одного.

Элен ждала.

— Ничего, — ответил Даня.

— Тогда странно, что вы сердитесь именно на меня.

— Возможно.

Элен не стала ждать извинений и пошла к карете.

Даня остался у колонны. До этого разговора ему было удобно считать Элен частью заранее известного сюжета. Теперь выяснилось только одно: о ней самой он почти ничего не знал.



Князь Василий пришёл на следующий день после обеда. Без предупреждения, конечно.

— Ты обижаешь мою дочь, mon cher.

Даня отложил письмо.

— Она пожаловалась?

— Элен? Жаловаться? Нет. Она слишком хорошо воспитана.

— Тогда откуда вы знаете?

— Я отец. Иногда это ещё что-нибудь значит.

Он выбрал кресло у камина.

— Ты избегал её на балу.

— Мы танцевали.

— Именно.

— Я не понял.

— И не надо понимать всё сразу, мой милый.

Василий говорил почти лениво.

— Ты избегал её и сделал это достаточно заметно. Вчера за столом уже спрашивали, поссорились ли вы.

— Мы не могли поссориться. Между нами ничего нет.

— Тем лучше. Тогда и веди себя так, будто ничего нет.

— Вы хотите, чтобы я ухаживал за Элен?

Князь Василий поморщился, словно вопрос был дурно поставлен.

— Я хочу, чтобы ты был любезен с девушкой в доме её отца. Больше ничего.

Сказать на это было почти нечего. Даня как раз этого и не любил: любой следующий шаг можно было объяснить обычной вежливостью, а вся цепочка от этого никуда не исчезала.

— У Элен скоро именины, — сказал Василий, будто вспомнив между делом. — Будут самые близкие. Ничего утомительного.

Даня поднял глаза.

— Я не обещаю.

— Конечно. Какие обещания между родными?

Василий поднялся и поправил манжет.

— Но ей будет неприятно не увидеть тебя. А люди, право, слишком любят объяснять чужое отсутствие.

Он коснулся Даниного плеча.

— Не будь с ней мрачен, mon cher. Она этого не заслужила.

После его ухода Даня всё-таки открыл конспект. Пять встреч уже позволяли записать не вывод, а вопрос:

Если меняю маршрут — почему место встречи меняется вместе со мной?

Он закрыл книжку и посмотрел на приглашение, которое Василий оставил на столе.

Именины Элен. Дата была вписана красивым ровным почерком.

ГЛАВА 8. АУСТЕРЛИЦ ИЗДАЛЕКА

К ноябрю слово «война» в Петербурге научилось помещаться между супом и десертом.

За столами обсуждали Австрию, в гостиных — французов, на балах спорили о Кутузове так, будто каждый второй утром лично принимал у него рапорт. Даня слушал знакомые фамилии — Ульм, Буксгевден, Наполеон — и всё чаще переставал слышать остальное. Аустерлиц пока почти никто не произносил.

У него оно уже стояло в тетради.

ТОЧНО: АУСТЕРЛИЦ — ПОРАЖЕНИЕ.

ТОЧНО: АНДРЕЙ РАНЕН.

ПРИМЕРНО: ЗНАМЯ. НЕБО. ГОСПИТАЛЬ?

НЕ ПОМНЮ: ДАТА ДО ДНЯ.

Он сидел в кабинете и смотрел на страницу, пока буквы не начали раздражать. Если бы Даня помнил номера полков, дороги, часы движения, приказы или хотя бы позиции батарей, можно было бы представить, что делать. Но он помнил не войну, а школьный пересказ войны: где-то реальные люди шли по реальным дорогам, а у него в голове помещалось только «русско-австрийская армия потерпела поражение».

Он взял чистый лист.

Начал письмо Андрею.

Дорогой Андрей...

Даня зачеркнул начало как слишком официальное, попробовал ещё раз и снова испортил строку.

Если написать: *я знаю, что впереди сражение, которое вы проиграете*, письмо можно сразу передать врачу. Причём не тому, которого он прислал Лизе.

Даня попробовал иначе.

>Если командование будет склоняться к генеральному сражению при обстоятельствах, когда французская армия представится слабее, чем есть, прошу тебя хотя бы усомниться. Особенно если неприятель сам оставляет впечатление неуверенности.

Он перечитал.

Получилось письмо человека, который одновременно знает всё и ничего.

Дальше написал проще:

>Не геройствуй там, где можно отойти. Если увидишь возможность сохранить людей, сохраняй людей. Это не трусость.

Эту строку оставил.

Игнат вошёл, когда Даня складывал письмо, и поставил на стол новую свечу.

— Князю?

— Да. В армию.

Игнат посмотрел на конверт.

— Могут читать.

— Там нет государственной тайны.

— Добро.

Он сменил подсвечник и ушёл. Даня ещё раз перечитал письмо, но ничего опаснее собственной глупости в нём не нашёл.

Даня посмотрел на закрывшуюся дверь, подписал письмо и взял второй лист — уже для штаба.

Без имени получателя. Через знакомого чиновника, который мог хотя бы передать его человеку, имевшему отношение к военному ведомству.

Текст был ещё осторожнее: не принимать решительного сражения только потому, что противник показывает слабость; проверить разведданные; не доверять удобной картине.

В конце Даня остановился.

Кто он такой?

Двадцатиоднолетний студент, случайно ставший графом, пишет русскому командованию советы о войне, потому что посмотрел пересказ романа и пару исторических роликов.

Если бы такое письмо пришло ему самому, он бы сохранил его только ради смеха.

Отправил оба.



Через два дня он занялся тем, где его знания не требовались.

Деньгами.

— Сколько стоит подвода? — спросил он управляющего.

Тот уточнил:

— Куда?

— В армию.

— Одна?

— Сколько можно собрать без того, чтобы разорить деревни?

Управляющий заметно насторожился.

После последних проверок счетов он вообще настораживался всякий раз, когда Даня задавал вопрос с цифрой.

— Нужно считать, ваше сиятельство.

— Считайте.

Через день на стол легли суммы.

Даня смотрел на них гораздо увереннее, чем на карту Европы.

В списке появились подводы, тёплые одеяла, спирт, бинты и лекарства, которые можно было купить здесь и отправить ближе к действующей армии через купцов. Даня не собирался вооружать полк или спасти Европу школьными знаниями. Это было меньше и понятнее: вещи, которые можно по-

грузить, довести и кому-то отдать.

Он вызвал доверенного купца, потом врача, потом человека из военного ведомства, которого ему порекомендовали через три знакомства.

Разговоры заняли два дня.

Даня поставил одно условие:

— Мне не нужен отчёт о благодарностях. Мне нужен отчёт, что дошло.

Чиновник улыбнулся.

— В действующей армии это не всегда возможно.

— Тогда пишите, где потерялось.

— Ваше сиятельство, при военных обстоятельствах...

— Я деньги даю при военных обстоятельствах. Считать их можно при тех же.

Тот посмотрел на управляющего.

Управляющий сделал вид, что занят бумагами.

Через неделю первые подводы ушли. Даня проследил, чтобы ему прислали хотя бы подтверждение от первого перевалочного пункта, и больше ничего в конспект не добавлял.



Салоны тем временем становились веселее.

Чем хуже приходили слухи, тем увереннее люди объясняли, что всё идёт по плану.

Через несколько недель Даня уже не верил словам «точно

известно». Ссылки на «человека из штаба» помогали ненадолго. Зато случайная фраза князя Василия между разговорами о здоровье императрицы обычно означала, что новость успела постареть прежде, чем дошла до гостиной.

— Государь полон решимости, — сказал Василий однажды вечером.

Даня перестал слушать даму справа.

— Решимости на что?

— Mon cher, если бы государственные решения объяснялись за ужином, нам всем было бы спокойнее и государству гораздо хуже.

— Вы начали.

— Я лишь сказал, что молодость прекрасна. Она позволяет верить в решительность.

Он улыбнулся соседу и сменил тему.

После этого разговора тревога только усилилась: до Аустерлица оставалось мало, а насколько мало — Даня всё ещё не знал.



В одну из ночей Даня не лёг именно потому, что никаких известий не было.

Дом затих. За окнами падал первый серьёзный снег. Игнат дважды приносил чай и один раз молча унёс нетронутый.

Даня ходил от окна к столу, где лежала купленная три дня

назад карта, которую он уже ненавидел. Названия были знакомые, расстояния — нет.

Австрия на бумаге выглядела слишком аккуратно. Дороги сходились. Реки были линиями. Армии, если представить их стрелками, тоже двигались понятно.

На бумаге всё выглядело слишком понятным именно потому, что людей там не было.

У окна снег шёл ровно. В отражении стекла свеча один раз дрогнула; Даня обернулся, но настоящее пламя стояло спокойно. Он снова посмотрел наружу.

На миг ему показалось, что один и тот же комок снега прошёл мимо рамы дважды.

Даня прижался лбом к холодному стеклу.

— Нет.

Игнат, оказавшийся у двери, спросил:

— Что?

— Ничего.

— Чай.

— Не хочу.

Игнат поставил чашку всё равно.

— Горячий.

Даня посмотрел на него.

— Мне кажется, скоро что-то случится.

Игнат выпрямил ложку на блюде.

— Тогда поешьте.

— Почему?

— Потом забудете.

Даня всё-таки сел и съел хлеб. До самого утра ничего не случилось.



Утром приехали сразу трое: с газетами, с письмом от знакомого чиновника и со слухом. Слух оказался быстрее бумаги.

— Разбиты, ваше сиятельство, — сказал человек, ещё не сняв дорожной шубы. — Под Аустерлицем. Совсем разбиты.

Даня стоял в прихожей и знал, что именно эту новость его конспект давно относил к «ТОЧНО».

— Когда?

Назвали дату. Сначала она ничего ему не сказала; потом Даня сопоставил числа и понял, что всё уже произошло.

Пока он писал письма, пока считал подводы, пока сидел рядом с Элен в театре — люди уже шли туда, где он помнил только итог.

— Князь Болконский? — спросил Даня.

Человек пожал плечами.

— Говорят, убит.

Даня положил ладонь на консоль у стены. Дерево было гладкое; в фарфоровой вазе стояли три сухие ветки, одна со сломанной верхушкой.

Андрей жив.

До этой минуты он считал, что знает это.

— Кто говорит?

— Из штаба дошло. Много офицеров полегло. Князь Андрей Николаевич будто бы со знаменем...

Даня перестал слышать.

В поле зрения почему-то остались только фарфоровая ваза, сломанная ветка, медная ручка двери и мокрые сапоги посыльного.

— Ваше сиятельство? — позвал тот.

— Чаю ему, — сказал Даня.

Игнат уже шёл из коридора. Даня развернулся, ушёл в кабинет, закрыл дверь и открыл конспект.

АНДРЕЙ ЖИВ. ТОЧНО.

Рука зависла. Даня один раз перечеркнул слово **ТОЧНО**, не до конца, и написал рядом:

ДОЛЖЕН БЫТЬ.

Через час пришло ещё одно сообщение: Болконского среди подтверждённых убитых нет. Жив ли он, это не доказывало, но Даня снова смог читать строки.



В тот же вечер прибыл человек от князя Василия.

Приглашение на именины Элен.

Красивый конверт с той самой датой, которую Даня уже видел в приглашении. Игнат положил его рядом с письмами

О войне; рядом они выглядели почти нелепо.

— Карета завтра к семи, — сказал посланный.

— Не понадобится.

Тот растерялся.

— Ваше сиятельство?

— Передайте князю Василию, что я уезжаю.

— Куда?

— В имение Болконских.

Человек ещё секунду стоял.

— Князь рассчитывал...

— Передайте именно так.

Посланный поклонился и ушёл.

Игнат взял приглашение двумя пальцами.

— Сжечь?

— Нет.

— В бумаги?

— Туда.

— Когда едем?

— Сейчас.

Игнат посмотрел на окно. Уже темнело.

— Ночью дорога.

— Знаю.

— Лошади устали.

Даня закрыл конспект.

— Возьмём свежих на станции.

Игнат помолчал.

— Шубу тёплую, — сказал Игнат и пошёл собирать вещи. Через два часа они выехали из Петербурга.

Именины Элен остались в Петербурге вместе с разговорами о его отсутствии. Даня думал только о Лизе и о том, что точной даты её родов он не помнил.



На второй день пошёл снег. Сначала обычный, но через некоторое время Даня заметил ритм: отдельные хлопья пересекали окно кареты почти одинаковыми промежутками. Не все — ровно столько, чтобы взгляд начал ждать повторения.

Он смотрел несколько минут. Один крупный хлопок прошёл слева направо; через несколько секунд другой повторил почти ту же линию, потом ещё один. Даня поднялся с сиденья так резко, что ударился головой о потолок.

— Стойте.

Ямщик обернулся.

— Чего, барин?

— Стойте!

Карета остановилась.

Даня вылез в снег.

Снаружи хлопья падали беспорядочно. Только у одного колеса несколько раз повторилась почти одинаковая траектория, будто снег выбирал уже проложенную дорожку.

Ямщик тоже посмотрел, снял шапку и перекрестился.

— Нехорошо.

— Ты видишь?

— Не глядел бы лучше.

Игнат вышел следом и накинул Данин плащему на плечи.

— Ехать надо.

Даня ещё немного смотрел на снег, потом вернулся в карету. Ямщик перекрестился ещё раз и тронул лошадей к Лысым Горам.

ГЛАВА 9. РОДЫ

Доктора Ланге Даня нашёл в Москве на третий день.

Немец посмотрел на письмо Андрея, потом на Даню, потом снова на письмо.

— До родов ещё есть время.

— Возможно.

— Вы не знаете срока?

— Не точно.

— Муж знает?

— Он в армии.

Ланге сложил письмо.

— Тогда едем.

Ланге не стал спрашивать, почему богатый граф среди зимы тащит акушера в чужое имение; вместо этого всю дорогу требовал останавливаться, есть горячее и не гнать лошадей. В отдельном ящике Игнат вёз те самые бронзовые часы с маятником: после двух опытов Даня больше не хотел оставлять единственный прибор, способный спорить с его глазами.

Даня хотел гнать.

После снега, который повторял траектории, медленная дорога казалась издевательством.

Лысые Горы показались к вечеру.

Ещё до остановки кареты Даня увидел, что во дворе непривычнолюдно: слуги бегали между домом и флигелем,

у крыльца стояла незнакомая коляска, из двери вынесли таз с водой.

Ланге посмотрел на него.

— Началось?

— Похоже.

Даня выпрыгнул первым.

Старый князь встретил их в передней.

— Вы.

Потом увидел Ланге.

— И немец с вами.

— Доктор Ланге, — сказал Даня.

— Вижу, что лекарь. Кто его звал?

Ланге снял перчатки.

— Княгиня рожает?

— Это известно всему дому. Вы зачем?

— Помогать.

Старый князь перевёл взгляд на Даню.

— Я своего врача имею.

— Так, — ответил Ланге. — Будет двое.

Даня молчал. Ланге не просил разрешения заменить местного врача и не спорил о старшинстве; он просто вошёл в дело.

Князь прищурился.

— Вы всегда входите в чужой дом и командуете?

— Когда меня привозят к роженице — да.

— Наглость.

— Чистая вода где?

Старый князь резко повернул голову.

— Что?

— Вода. Простыни. Мыло. Все, кто входит к княгине, моют руки.

— У нас не казарма.

— Хорошо. В казарме тоже надо мыть.

Князь посмотрел на Даню.

— Где вы его взяли?

— В Москве.

— Если окажется шарлатаном, обратно повезёте сами.

Из глубины дома донёсся короткий крик Лизы. Старый князь повернул голову; Ланге уже снимал дорожный сюртук.

— Вода, — повторил он.

Князь сжал губы.

— Тихон!

Слуга возник почти сразу.

— Горячую воду. Простыни. Мыло. И если кто войдёт грязными руками — вон.

Ланге кивнул. Старый князь это заметил.

— Вам я не разрешал соглашаться.

Ланге пошёл к лестнице.

— Потом поругаемся.

Даня остался с князем в передней.

Тот ткнул пальцем ему в грудь.

— Если ваш немец дурак, я вас обоих выгоню.

Даня кивнул.

— И не соглашайтесь со мной. Молчите.

Даня замолчал.



Ночь разбилась на шаги.

Марья проходила по коридору к спальне Лизы и обратно.

Старый князь ходил от окна до стены.

Семь шагов туда.

Семь обратно.

Даня сидел у двери и считал.

Сто четыре. Сто одиннадцать. Сто восемнадцать.

Из комнаты донёсся голос Лизы:

— Я непременно умру... Ах, Марья, не смотрите так, я шучу. Mon Dieu, почему никто не смеётся?

Через минуту Марья вышла, бледная, но с по-прежнему спокойными руками.

— Она держится.

— Это хорошо?

Марья помолчала.

— Это Лиза.

И вернулась внутрь.

Через полчаса Лиза снова закричала. Старый князь дошёл до окна и не сразу повернул обратно. Даня перестал считать.

— Продолжайте, — сказал князь.

— Что?

— Вы считали.

Даня посмотрел на его спину.

— Сто восемьдесят два.

— Значит, сто восемьдесят три дальше.

Даня продолжил считать: сто восемьдесят три, сто восемьдесят четыре.

Бронзовые часы стояли на узкой консоли у двери; Игнат поставил их туда вместе с дорожными вещами. Маятник шёл ровно. В зале пробили полночь.

Ланге выходил дважды. Первый раз потребовал ещё воды. Второй — чистую ткань и свет.

За дверью Ланге несколько минут спорил с местным врачом; слов Даня не разобрал. Потом немец вернулся в спальню, а местный врач остался в коридоре, красный и оскорблённый.

— Он невозможный человек, — сказал тот.

Старый князь остановился.

— Работает?

— Работает.

— Тогда пусть будет невозможным там.

Он указал на дверь.

Врач ушёл следом.



Под утро дом стал тише, и после криков эта тишина тревожила сильнее.

Ланге вышел и прикрыл дверь за собой.

Фартук у него был испачкан. Рукава закатаны. Он посмотрел на Марью.

— Нужны ещё люди. Только те, кто делает, что говорю.

— Что случилось? — спросил Даня.

Ланге не ответил сразу.

— Тяжело.

Даня встал.

— Она умрёт?

Марья посмотрела на него. Ланге — тоже.

— Я работаю, чтобы нет, — сказал доктор.

И вернулся в комнату.

Тетрадь лежала за сотни вёрст в Петербурге, но строку Даня помнил без неё:

ЛИЗА — УМИРАЕТ В РОДАХ. ТОЧНО.

Когда-то это выглядело таким же бесспорным школьным фактом, как Бородино или пожар Москвы.

Даня подошёл к двери спальни.

Марья встала перед ним.

— Не мешайте врачу.

— Я не буду.

— Тогда сядьте.

— Не могу.

Марья посмотрела на стул.

— Можете.

Даня сел. Марья опустилась рядом, сложила руки и молилась беззвучно; губы двигались едва заметно. Даня смотрел на бронзовые часы. Маятник дошёл до крайней точки, вернулся, снова дошёл — и на одном ходе задержался настолько, что Даня успел вдохнуть.

Из зала раздался один удар. Через паузу большой часовой механизм повторил его точно так же — не следующий, а словно тот же самый.

Даня поднялся.

Свечи погасли.

Темнота.

Зажглись.

Марья сидела в той же позе.

Старый князь стоял у окна.

Местный врач застыл с платком в руке.

На долю секунды никто не двигался.

Потом всё продолжилось.

Марья резко повернула голову к часам.

— Вы слышали?

— Да.

Старый князь сказал:

— Часы испорчены.

Никто не ответил.

Даня смотрел на пламя ближайшей свечи. Сейчас оно было обычным, но рисунок сбой он уже узнавал: перед смертью графа, в зеркале, в снегу. Раньше странность возникала в одном предмете; теперь ощущение неправильности будто растеклось по всей части дома.

Из спальни донёсся голос Ланге:

— Марья Николаевна!

Она встала сразу.

Даня тоже.

— Вы — нет, — сказала Марья.

— Я могу помочь.

— Чем?

У него не было ответа.

Она открыла дверь и исчезла внутри.

Даня остался.



Через несколько минут из спальни донеслось:

— Пьер здесь?

Даня услышал через дверь.

Марья выглянула.

— Идите.

В комнате было жарко.

Слишком много людей. Слишком много воды. Ткань. За-

пах пота и металла.

Даня не смотрел туда, куда не надо.

Лиза лежала на подушках и уже не шутила.

— Пьер.

— Я здесь.

— Сядьте.

Он сел рядом. Лиза нашла его руку; пальцы были мокрые и горячие. Даня, входя, машинально прихватил с консоли бронзовые часы и поставил их на край низкого столика у стены. Маятник продолжал идти.

Ланге взял Лизу за запястье и начал считать вслух:

— Раз-два-три... и снова. Раз-два-три... и снова.

Между третьим ударом и новым «раз» пауза каждый раз выходила короче, почти сдвоенной. Даня посмотрел на маятник, но тот пока шёл ровно. Ритм он запомнил, не понимая, что с ним делать.

— Расскажите что-нибудь.

— Что?

— Всё равно.

Ланге бросил через плечо:

— Говорите.

Даня посмотрел на Лизу.

В голове было пусто.

— Я сегодня ударился головой о карету.

Лиза закрыла глаза.

— Это очень на вас похоже.

— Потолок был низкий.

— Конечно.

— Ямщик видел неправильный снег.

Лиза открыла глаза.

— Какой снег?

— Плохой. Неважно. Ещё я однажды пытался заставить зеркало открыть меню.

Она смотрела на него.

— Что открыть?

— Ничего. Забудьте.

Она выдала короткий смешок. Воздуха на него почти не хватило.

— Вы всё-таки странный.

Боль вернулась.

Она сжала его руку.

Даня замолчал.

— Говорите, — сказал Ланге.

— Про что?

— Про зеркало.

— Доктор, это очень глупая история.

— Так.

Даня рассказал.

Не про капсулу.

Про то, как взрослый граф стоял перед зеркалом и командовал отражению показать ему то, чего там нет. Как пробовал свечу. Как разбил стакан. Как потом лакей молча соби-

рал осколки.

Лиза слушала кусками: закрывала глаза, иногда спрашивала одно слово, а потом перестала отвечать.

— Лиза.

Она не открыла глаза.

— Лиза.

— Не мешайте, — сказал Ланге.

Сначала Даня почувствовал только знакомое давление — не на тело, а будто на сам рисунок комнаты.

Свеча справа от кровати дёрнулась.

Часы за стеной начали тикать слишком громко.

Марья переставила таз — и Даня на мгновение увидел его на старом месте и на новом одновременно.

Даня моргнул. Таз был один.

— Стойте, — сказал он.

Ланге даже не посмотрел.

— Не сейчас.

Даня схватил бронзовые часы. Поставил их справа от кровати. Маятник прошёл восемь ровных ходов. Перенёс на левый край столика, ближе к умывальному столу. Три хода — четвёртый дёрнулся и почти догнал третий.

Он вернул часы вправо. Шесть ровных. Снова влево. На четвёртом маятник сбился точно так же.

— Слева, — сказал Даня.

Ланге наконец поднял голову.

— Что слева?

— Не знаю. Здесь часы сбиваются. Дважды. Справа — нет.

Он не успел придумать объяснение и не стал. Рядом с левой стороной кровати таз на мгновение снова оказался сразу в двух местах.

Ланге работал руками.

— Мне нужно больше света.

— Лампу и столик вправо. Кровать не трогать.

Ланге выругался по-немецки, но посмотрел на часы.

Марья уже взялась за лампу.

— Почему?

— Потому что это единственное, что повторилось. Больше я ничего не знаю.

Она переставила свет и маленький столик с тканью вправо. Ланге наклонился, быстро оценил угол.

— Так. Оставьте.

Он снова взял Лизу за запястье.

— Раз-два-три... и снова.

Маятник справа шёл ровно, но Даня слышал тот же рисунок в пульсе: три обычных удара, следующий почти вплотную. Тот же сбой, который несколько часов назад поймали часы в коридоре. Почему — он не понимал.

— Сейчас, — сказал он.

— Что сейчас?

— Не знаю. Сейчас хуже.

Ланге повернул голову.

Первый раз посмотрел на него не как на мешающего родственника.

— Ещё раз скажете, если будет.

Даня кивнул.

Лиза открыла глаза.

— Пьер.

— Здесь.

— Не уходите.

— Не уйду.



Снаружи ударили копыта. В комнате никто не отреагировал; Даня услышал только потому, что сидел ближе к окну. Во двор быстро вошли сани, снизу донеслись крик слуги, хлопок двери и торопливые шаги. Старый князь что-то резко сказал в коридоре, потом всё стихло.

Даня не отвёл взгляда от свечи.

Тик.

Тик.

Пропуск.

— Сейчас.

Ланге двинулся сразу.

Марья подала ткань.

Лиза закричала.

Дверь открылась.

На пороге стоял Андрей.

Он был бледен. Одна рука перевязана. Лицо осунулось так, что Даня сначала увидел не друга, а человека, который очень долго ехал и всё это время боялся опоздать.

Андрей посмотрел на кровать, на Лизу, потом на Даню рядом.

— Жива?

— Да, — ответила Марья.

Андрей вошёл.

Старый князь появился у двери за его плечом.

— Не мешай.

Андрей даже не посмотрел на него.

Подошёл к кровати.

Лиза увидела мужа.

— Андре...

Больше ничего не сказала.

Андрей взял её за свободную руку.

— Я здесь.

Лиза закрыла глаза.

Ланге сказал:

— Теперь все молчат.



Ребёнок закричал резко. Даня сначала не понял, что звук новый; потом Марья закрыла лицо ладонями, а Ланге сел на

ближайший стул, хотя ещё секунду назад командовал всеми.

Лиза дышала. Даня следил за каждым вдохом, пока Андрей не сказал:

— Пьер.

Он повернулся.

Андрей не отпустил руку жены.

— Откуда ты знал?

Даня посмотрел на Ланге, на чистые тряпки и на лампу, переставленную к левой стороне.

— Не знал.

— Ты прислал врача заранее.

— Боялся.

— Чего?

Даня промолчал. Андрей подождал.

— Хорошо. Потом.

Старый князь стоял у двери и по очереди посмотрел на ребёнка, Лизу и Андрея.

— Доктор.

Ланге поднял голову.

— Что?

Князь помолчал.

— Останетесь до утра.

И вышел.



Даня вышел на крыльцо, когда начало светать, и сначала решил, что идёт снег. Потом понял: сотни белых точек висели в сером воздухе совершенно неподвижно.

Даня протянул руку.

Один хлопок коснулся рукава только после того, как он поднёс к нему ткань.

Потом всё сорвалось разом, и снег продолжил падать. Даня отступил к двери. Внутри дома ребёнок снова закричал; из спальни доносились голоса, и среди них была Лиза.

За спиной скрипнула дверь.

Марья вышла, накидывая платок, и встала рядом. Некоторое время они смотрели на снег.

— Вы приехали раньше всех, — сказала Марья. — И привезли врача.

Даня не ответил.

— Я не понимаю почему, — продолжила она. — Но я буду за вас молиться, Пётр Кириллович.

— Зачем?

Марья посмотрела на дверь спальни.

— За вас.

Она ушла внутрь. Даня остался на крыльце; новый снег ложился на ступени и таял на рукаве. Через дверь снова донёсся короткий крик ребёнка.

ГЛАВА 10. СВАДЬБА, КОТОРОЙ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ

Петербург встретил Даню без всякого удивления, будто он не уезжал среди ночи, не гнал лошадей к Лысым Горам и не стоял потом в комнате, где снег за окном на несколько минут перестал падать.

Зато люди удивлялись охотно. Пока он добрался до дома, история успела разделиться на три версии. В первой граф Безухов собственноручно принимал роды у княгини Болконской. Во второй привёз из Германии знаменитого врача, имя которого никто не мог назвать. В третьей поссорился со старым князем так, что дело едва не дошло до оружия.

— Последняя мне нравится больше, — сказал Даня, снимая дорожный сюртук. — Я бы такое запомнил.

Игнат принял сюртук, осмотрел заляпанный подол и позвал мальчишку с щёткой. На вопрос, что ещё говорят в городе, он ответил, что говорят много. Даня попытался вытянуть подробности, но Игнат уже спорил с мальчишкой из-за сапог и явно считал это делом полезнее.

На столе в кабинете лежали приглашения. Семь штук, не считая двух записок и счёта от портного. Сверху — карточка Курагиных.

Именины Элен.

Даня подержал плотную бумагу в пальцах. Он уже не был уверен, совпадала ли дата с той, что когда-то читал у Толстого, или память услужливо подставила знакомый сюжет к первому подходящему числу. В Лысых Горах удалось изменить вещь, в которой он был уверен куда больше: Лиза осталась жива. Но вместе с этим воспоминанием приходило другое — снег за окном спальни, неподвижный так долго, что никто не хотел первым сказать об этом вслух.

Он положил приглашение отдельно от остальных и велел готовить вечерний фрак.



На именинах Элен было слишком много людей для семейного вечера и слишком мало для настоящего бала. В гостинной легко было увидеть, кто с кем говорит, кто на кого смотрит и кто делает вид, что не смотрит вовсе.

Князь Василий встретил Даню у дверей, обнял обеими руками и посетовал, что Болконские чуть не присвоили его себе окончательно. Говорил он весело, без всякой настойчивости. Только через минуту Даня уже стоял возле Элен, хотя не заметил, как именно это произошло.

На ней было светлое платье и почти никаких украшений. Она выслушала поздравление, приняла коробку с камеей и поставила её рядом.

— Вы не откроете? — спросил Даня.

— Позже.

— Я полчаса спорил с ювелиром.

— Тогда непременно позже. Мне нужно подготовиться к благодарности.

Он усмехнулся. Элен тоже улыбнулась, но уже смотрела мимо него на подошедшую пожилую даму. Через несколько минут Даню утащили расспрашивать о Болконских. Он ещё раз объяснил, что не принимал роды, не дрался со старым князем и не может официально подтвердить, что Андрей жив.

К ужину он успел устать от собственного приключения больше, чем за всю дорогу обратно.

Князь Василий сидел недолго на одном месте. Он рассказывал историю какому-то генералу, перебрасывался словами с дамами, один раз велел переставить кресла, потому что от двери тянуло. После ужина часть гостей перешла в меньшую гостиную, где играли музыканты. Даня оказался возле Элен. Не вплотную и не нарочно — по крайней мере, никто не сделал ничего настолько грубого, чтобы это можно было назвать устройством встречи.

Через десять минут свободное место рядом с ней оставалось единственным.

Даня сел.

Музыка помогала плохо. Пока играли, можно было молчать; между пьесами молчание делалось заметнее. Элен открыла подарок, осмотрела камею и сказала, что она краси-

вая. Пожилая дама напротив немедленно спросила, сам ли Пьер её выбирал.

— Сам, — ответил Даня.

— Это многое объясняет, — сказала Элен.

За креслами тихо засмеялись. Даня не понял, спасла она его или подтолкнула ещё дальше, и решил не разбираться.

Князь Василий подошёл уже во время следующей пьесы. Он наклонился к дочери, сказал что-то о подарке, потом задержал руку на плече Дани.

— Ты совсем нас забыл, mon cher. А между тем здесь тебя любят.

— Я заметил.

— Тем лучше.

Князь улыбнулся Элен, кому-то у двери, снова Дане и отошёл так спокойно, будто ничего не произошло.

Даня смотрел на музыканта, но чувствовал на себе чужие взгляды. Не непрерывно и не все сразу. Кто-нибудь обязательно отворачивался, как только он поворачивал голову. В комнате давно уже решили, что именно должно случиться; от него требовалось только перестать мешать.

Элен положила камею обратно в коробку.

— Вы сердитесь? — спросила она.

— Пока не решил на кого.

— Тогда не спешите. Здесь много кандидатов.

Он чуть не рассмеялся. Вместо этого сказал тише:

— Я хотел бы поговорить с вами без публики. Не сегодня.

Элен посмотрела на него внимательнее.

— Приходите завтра.

Дама напротив уже опустила глаза с тем выражением, с каким люди берегут чужую тайну, известную всей комнате.



Поверенного разбудили после полуночи.

Он приехал в плохом настроении, долго грел руки о чашку и дважды переспросил, действительно ли граф намерен обсуждать будущий брак сейчас, а не утром. Даня ответил, что утром ему могут начать мешать.

— Кто?

— Родственники.

Поверенный посмотрел на Игната, но тот расставлял чай и ничего не выразил лицом.

— Ваше сиятельство, — сказал поверенный наконец, — если речь идёт об имениях, доверенностях и содержании супруги, это можно описать условиями. Но не думайте, что одна бумага решит семейную жизнь. И я не стану сейчас обещать вам, что всякий пункт переживёт любую тяжбу.

Даня придвинул к нему чистый лист.

— Мне и не нужна любая тяжба. Мне нужно, чтобы никто не получил мои подписи вместе с женой.

— Так и скажите.

— Я сказал.

Поверенный поморщился и придвинул чистый лист.

Они начали с имений. Потом застряли на доверенностях. Даня хотел простого правила: без отдельного согласия никто не распоряжается чужим. Поверенный терпеливо объяснил, что «простое правило» распадается на десяток разных случаев. Даня дважды пытался вернуть разговор к одной фразе и дважды получал новые исключения.

— А её собственное имущество?

— Смотря что именно вы называете собственным.

— То, что принадлежало ей до свадьбы.

— Вот уже лучше.

— Почему лучше?

— Потому что это вопрос, на который можно отвечать.

К двум часам ночи перед Даней лежало три исписанных листа и ни одного готового договора. Поверенный обещал утром показать формулировки человеку, который разбирался в семейных имущественных спорах лучше него.

— Значит, вы не знаете?

— Я знаю достаточно, чтобы не притворяться, будто знаю всё.

Игнат, проходя мимо, поставил чашку дальше от чернильницы. Даня посмотрел на него, ожидая комментария. Игнат поправил блюдо и ушёл за горячей водой.

— Разумный человек, — сказал поверенный.

— Иногда это раздражает.

Уже под утро Даня спросил, могут ли супруги жить в раз-

ных комнатах и вести отдельные расходы.

Поверенный снял очки.

— Могут жить хоть на разных этажах, если хватит дома. Только этого я вам в договор вписывать не советую.

— Почему?

— Потому что слуги и без бумаги всё узнают.

На этом Даня отпустил его спать.



На следующий день Элен приняла Даню в маленькой гостиной рядом со своими комнатами. Без князя Василия. Даня заранее просил об этом в записке, и она не стала выяснять зачем.

Он пришёл с папкой, которая за ночь стала толще.

— Вы всё-таки принесли бумаги, — сказала Элен.

— Боюсь, да.

— Садитесь.

Даня сел напротив. Он заранее придумал, как объяснит всё: канон, деньги, Курагиных, недоверие, необходимость оставить каждому пространство. Разумеется, ничего из этого говорить было нельзя. Даже слово «канон» здесь превращало разговор о браке в объяснение сумасшедшего.

— Ваш отец хочет этой свадьбы, — сказал он.

— Да.

— А вы?

Элен не ответила сразу. Отложила книгу, которая лежала у неё на коленях.

— Я не против.

— Это не совсем ответ.

— Другого у меня пока нет.

Даня повертел край папки между пальцами.

— Что вы хотите получить от брака?

Теперь она улыбнулась.

— Вы действительно пришли с бумагами и этим вопросом?

— Да.

— Свой дом, — сказала Элен после паузы. — И чтобы в нём не распоряжался отец.

Она произнесла это без жалобы, скорее как человек, называющий нужную комнату или экипаж.

— Ещё?

— Не знаю. Вы ведь тоже не знаете, зачем женитесь.

Даня открыл рот и закрыл. Возразить было нечем.

Он протянул папку.

— Тогда начнём с того, что знаем. Ваши деньги не должны переходить под моё управление только потому, что мы поженились. Мои — под управление вашего отца. Поверенные готовят условия.

Элен взяла листы и стала читать. Быстро, но не так быстро, как хотелось Дане. На второй странице задала вопрос о содержании дома. На третьей спросила, кто назначает управ-

ляющего её именами. Даня ответил, что это ещё спорный пункт.

— Пусть останется спорным.

— Спорным?

— Если ваш поверенный всё решил до разговора со мной, зачем вы пришли?

Она дочитала до конца и вернула бумаги.

— Я покажу это своему человеку.

— Конечно.

— Отец рассердится.

— Это меня беспокоит меньше всего.

— Зря. Когда папа сердится, он становится деятельным.

В её голосе не было ни обиды, ни желания сделать отца чудовищем. Просто привычное знание.

Даня собрал бумаги.

— Есть ещё одна вещь.

— Какая?

Он вдруг вспомнил весь подготовленный разговор и почувствовал, как нелепо будет читать его теперь.

— Я не стану требовать, чтобы мы изображали друг перед другом то, чего нет.

Элен чуть склонила голову.

— Перед друг другом — нет. Перед Петербургом иногда придётся.

— С этим я, наверное, справлюсь хуже.

— Я заметила.

Он встал.

У двери Элен окликнула его:

— Пьер.

— Да?

— Если я не соглашусь с половиной этих пунктов, свадьба отменяется?

Даня подумал.

— Нет. Будем спорить о пунктах.

— Так разумнее.



Князь Василий получил новый вариант через два дня. К этому времени поверенные успели обменяться замечаниями, зачеркнуть несколько формулировок и оставить два вопроса открытыми.

Василий прочёл бумаги не спеша. На доверенностях задержался дольше всего.

— Mon cher, сколько хлопот.

— Зато потом меньше сюрпризов.

— В браке? — Князь Василий поднял глаза. — Ты оптимист.

Он снова посмотрел на листы.

— Элен это читала?

— И её поверенный.

— Конечно.

Слово прозвучало устало, но не сердито. Василий прошёл к окну, вернулся и положил бумаги на стол.

— Я всё думал, что ты ещё мальчик.

Даня приготовился отвечать, но князь уже продолжал:

— Впрочем, это моя ошибка. У богатых мальчиков детство всегда короче, чем им кажется.

Он сказал это почти рассеянно и позвонил лакею, чтобы велели подать ему шубу.

— Вы не возражаете? — спросил Даня.

— Против свадьбы? Боже сохрани. Против бумаг? Бумаги существуют для того, чтобы люди потом ругались о бумагах. Женитесь спокойно.

У двери Василий задержался и похлопал Даню по здоровому плечу.

— Только не заставляй Элен скучать. Этого она тебе не простит.

Даня ещё минуту смотрел на закрывшуюся дверь, потом вернулся к замечаниям поверенных. Один пункт всё равно требовалось переписать.



В день свадьбы его одевали двое слуг. Игнат стоял у зеркала, проверял галстук и дважды заставил переделать складку на жилете.

— Я ещё могу сбежать, — сказал Даня.

— Можете.

— И ты даже не спросишь куда?

Игнат поправил булавку.

— Куда?

Даня не нашёл ответа. Не к Гоше. Не домой. Даже если уехать из Петербурга, мир останется тем же, а свадьба превратится лишь в скандал, который придётся разгребать из другой губернии.

— Давай перчатки.

Игнат подал их.

Церемония оказалась одновременно пышной и короткой. Даня плохо запоминал лица, зато тело безошибочно знало, когда повернуться, как держать свечу, где поклониться. Несколько раз он ловил движение раньше, чем успевал услышать подсказку священника, и каждый раз это раздражало сильнее чужих взглядов.

Элен стояла рядом спокойно. На ней всё выглядело естественно: венец, свеча, чужое внимание. Ни одна свеча не мигнула не вовремя, звук не опоздал, снег за окнами падал как положено.

После венчания начались поздравления. Они тянулись дольше службы. Князь Василий обнял дочь, поцеловал её в лоб, потом подошёл к Дане.

— Ну вот, mon cher.

— Вот.

Князь поправил ему воротник.

— Не бойся. Ты всё равно ничего уже не исправишь сегодня.

Даня рассмеялся, скорее от усталости. Василий тоже улыбнулся и ушёл встречать следующего родственника.

На другом конце комнаты Элен разговаривала с пожилой дамой и уже выглядела так, будто была хозяйкой этого дома много лет.



В общую спальню они вошли вместе. Так было проще для слуг, которые внесли свечи, поставили воду и задержались у дверей чуть дольше, чем требовали свечи и вода.

Когда последняя горничная вышла, Элен сняла серьги и положила их на стол.

Даня остался у двери.

— Вы можете сесть, — сказала она.

— Спасибо.

Он сел в кресло. Элен занялась застёжкой браслета и только потом показала на дверь в соседние покои.

— Мои комнаты там.

— Мой кабинет через коридор.

— Далеко.

— Могу найти ближе.

— Не нужно.

За дверью кто-то прошёл. Оба невольно замолчали, пока

шаги не стихли.

— Завтра за завтраком от нас будут ждать счастливого вида, — сказала Элен.

— Насколько счастливого?

— Не мрачного. Этого достаточно.

— Справлюсь.

— Надеюсь.

Она наконец сняла браслет.

— Если в доме появится человек, о котором мне лучше узнать от вас, скажите сами.

У Дани запылали уши прежде, чем он нашёл, что ответить.

Элен посмотрела на него и отвела глаза к зеркалу.

— Здесь действительно жарко, — сказала она.

— Спасибо.

— Я ничего не сказала.

— Именно поэтому.

Он поднялся. Уже у двери вспомнил о деньгах.

— И если мой управляющий принесёт вам что-нибудь на подпись...

— Я прочту.

Даня кивнул.

— Пьер.

— Да?

— Идите спать.

Он вышел в коридор. Слуга, дремавший на стуле у стены,

мгновенно вскочил. Даня велел не провожать его и дошёл до кабинета сам.

На столе ещё лежала копия условий с пометками двух поверенных. Он переложил её под стопку счетов, снял перстень-печатку и только тогда заметил новое кольцо на другой руке.

Некоторое время Даня смотрел на него, потом задул свечу.

ГЛА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.